Связанные судьбой

Автор:
Тесса Дэр

Связанные судьбой

Тесса Дэр

Очарование (АСТ)

Великосветский бал сезона завершился ошеломительным скандалом: кто-то застал влюбленную парочку, уединившуюся в библиотеке. Общество гудит – и вот уже поползли сплетни: тайные любовники – не кто иные, как скромница Шарлотта Хайвуд и безупречный джентльмен Пирс Брэндон, маркиз Гренвилл. Разумеется, маркиз готов спасти репутацию невольно опороченной им девушки женитьбой, – однако сама она совсем не желает выходить за него замуж. А потому Шарлотта выдвигает Пирсу встречное предложение – найти и разоблачить настоящих любовников из библиотеки. Однако на время поисков им волей-неволей придется выдавать себя за счастливых жениха и невесту и изображать чувства, которых они вовсе не испытывают. Или испытывают?…

Тесса Дэр

Связанные судьбой

Роман

Tessa Dare

Do you want start a scanolal

© Eve Ortega, 2016

© Перевод. И.П. Родин, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Глава 1

Ноттингемшир, осень 1819 года

Джентльмен в черном свернул в коридор, Шарлотта Хайвуд последовала за ним. Украдкой, конечно. Совсем ни к чему, чтобы кто-нибудь ее увидел.

Девушка услышала щелчок дверного замка, донесшийся из глубины коридора, с левой стороны. Там находилась дверь, которая вела в библиотеку сэра Вернона Паркхерста, если она правильно помнит.

На какое-то время Шарлотта спряталась в нише, продолжая мысленно спорить сама с собой.

По строгим меркам высшего английского общества, она относилась к молодым особам совершенно непримечательным. Нарушить уединение маркиза, которому ты даже не представлена, – это дерзость. Дерзость неслыханная! Но уж лучше так, чем провести еще один год в скандалах.

Издалека, из бального зала, послышалась музыка. Первые такты кадрили. Если приступать к действиям, то сейчас самое время. Заторопившись, чтобы не оставлять себе времени на раздумья, Шарлотта на цыпочках направилась по коридору и, добравшись до двери, нащупала ручку.

Дочерям, у которых отчаянные матери, тоже приходится быть отчаянными.

Когда Шарлотта открыла дверь, маркиз поднял голову и посмотрел на нее. Он был один, стоял по другую сторону письменного стола.

И показался ей самим совершенством.

Под совершенством она не подразумевала красоту. Хотя маркиз был очень хорош собой – высокие скулы, квадратный подбородок и нос настолько прямой, что казалось, будто Господь, лепив его, пользовался линейкой. В нем все говорило о совершенстве: осанка, манера держаться, волна черных волос. Ощущение властной уверенности заполняло окружающее пространство.

Несмотря на волнение, Шарлотте вдруг стало любопытно. Ведь никто не идеален. У всех есть изъяны. Когда недостатки не видны на поверхности, они, должно быть, прячутся где-то в глубине.

Загадки всегда привлекали ее.

– Не тревожьтесь. – Шарлотта прикрыла за собой дверь. – Я пришла спасти вас.

– Спасти? – Звучание его низкого бархатного голоса было сродни прикосновению лайковой перчатки к обнаженной коже. – От чего?

– О, много от чего! Прежде всего от переживаний и разочарования. Но и поломанные кости не стоит сбрасывать со счетов.

Маркиз задвинул ящик стола.

– Мы знакомы?

– Нет, милорд. – Шарлотта с запозданием вспомнила, что нужно сделать реверанс. – Тем не менее мне известно, кто вы. Да это всем известно. Вы Пирс Брэндон, маркиз Гренвилл.

– По результатам последней переписи это именно так.

– А я Шарлотта Хайвуд. Из Хайвудов, которых вам нет причины знать, если только вы не читаете газетенку «Пратлер». А вы наверняка ее не читаете.

«Господи, уповаю на это!»

– Одна из моих сестер – виконтесса Пейн, – продолжала она. – Вы могли слышать о ней. Виконтесса увлекается камнями. А моя мать – сущее наказание.

Последовала пауза, и маркиз наклонил голову.

– Очаровательно!

Шарлотта чуть не рассмеялась. Никакой другой ответ не мог прозвучать менее искренне. Вот уж действительно – «очаровательно». Хотя «кошмарно» было бы по-настоящему правдивым ответом, но маркиз оказался слишком хорошо воспитан, чтобы сказать такое.

И словно в подтверждение своих безупречных манер, он сделал жест в сторону диванчика, приглашая ее присесть.

– Спасибо, нет. Мне нужно вернуться в зал до того, как мое отсутствие заметят, и я не могу позволить платью помяться. – Шарлотта разгладила нежно-розовые юбки. – Я не хочу навязываться. И планировала сказать вам только одно. – Она нервно сглотнула. – У меня нет ни малейших намерений выходить за вас замуж.

Холодно и крайне внимательно маркиз оглядел ее с головы до ног.

– Похоже, вы ожидали, что я испытаю облегчение.

– Ну… да. Как и любой джентльмен на вашем месте. Видите ли, моя матушка печально известна своими попытками вытолкнуть меня на дорогу перед титулованными джентльменами. Вы, наверное, уже слышали выражение «отчаянная дебютантка»?

О, как она ненавидела само звучание этих слов! Весь сезон они преследовали ее, как отравленное удушающее облако.

Этой весной, в первую неделю после их с матерью приезда в Лондон, они гуляли в Гайд-парке, наслаждаясь прекрасным днем. Неожиданно мать увидела графа

Остина, скакавшего верхом по Роттен-Роу. Жаждущая только того, чтобы подходящий джентльмен обратил внимание на ее дочь, миссис Хайвуд вытолкнула девушку на дорогу. Ничего не подозревавшая Шарлотта упала в грязь, мерин графа вскинулся на дыбы, и в результате столкнулись по меньшей мере три экипажа.

В следующем номере «Пратлера» появилась карикатура, изображавшая молодую особу, весьма напоминавшую Шарлотту Хайвуд, которая, босая и с расстегнутым корсажем, выскакивает на проезжую часть. Подпись гласила: «Опасность в весеннем Лондоне – отчаянная дебютантка».

И все! Ее объявили скандальной особой.

Хуже того – угрозой общественному спокойствию. До конца сезона ни один джентльмен даже близко не подошел к ней.

– А, – сказал маркиз, судя по всему, сложив в уме одно с другим. – Так это из-за вас Остин стал хромым.

– То был несчастный случай, – съежилась Шарлотта. – Но как ни больно признавать, существует вероятность того, что моя мать на этот раз подтолкнет меня к вам. Заранее хочу предупредить – не беспокойтесь. Никто не рассчитывает, что ее махинации увенчаются успехом. Меньше всего я. Это просто какой-то абсурд! Вы маркиз, влиятельный, богатый, красавец…

«Красавец? Шарлотта, ты с ума сошла!»

Зачем? Зачем она сказала это вслух?

– А мой уровень – третий сын, паршивая овца в каком-нибудь несчастном семействе, – заторопилась девушка. – Не говоря уже о разнице в возрасте. Вряд ли вы подыскиваете себе совсем юную особу, чтобы получилась партия из, фигурально выражаясь, нежного мая и седого декабря. Хотя скорее это будет… июнь-октябрь. И даже не октябрь. Июнь – конец сентября. Ни днем позже Михайлова дня [1 - Михайлов день – отмечается католической церковью 29 сентября. – Здесь и далее примеч. пер.]. – На мгновение Шарлотта закрыла лицо руками. – Несу какую-то околесицу, правда?

– Похоже на то.

Она подошла к диванчику и опустилась на него. Шарлотта решила, что, в конце концов, может и сесть.

Маркиз вышел из-за стола и устроился на его уголке, твердо упершись одной ногой в пол.

Пора с этим заканчивать, сказала она себе.

– Я ближайшая подруга Делии Паркхерст. А вы – знакомый сэра Вернона. Мы оба будем гостить в этом доме следующие две недели. Моя матушка сделает все возможное, лишь бы только наладить с вами отношения. Это означает, что нам нужно придумать, как избегать друг друга. – Шарлотта улыбнулась, пытаясь выглядеть легкомысленно. – Всему миру известно, что мужчина с титулом и состоянием должен держаться от меня подальше.

Маркиз не засмеялся. Даже не улыбнулся.

– Это… Это была шутка, милорд. Строчка из романа…

– «Гордость и предубеждение». Да, я читал.

Ну конечно! Конечно, читал. Он несколько лет провел на дипломатической службе за границей. После падения Наполеона участвовал в подписании Венского договора. Гренвилл опытный, образованный, наверняка владеет дюжиной иностранных языков.

Шарлотта не могла похвастаться многими из тех свойств, которые в обществе считались достоинствами. Но у нее имелись другие положительные качества. Она была доброй и прямой, умела посмеяться над собой. В разговоре с ней собеседники чувствовали себя непринужденно.

Данные качества – вообще-то довольно скромные – сейчас вдруг перестали помогать Шарлотте. Маркиз Гренвилл казался напряженным, взгляд его голубых глаз был пронзительным. Разговор с ним напоминал беседу со скульптурой изо льда. И девушка пока не придумала способа, как согреть этого джентльмена.

Пусть и глубоко внутри, но должен же он быть обычным человеком из плоти и крови.

Шарлотта искоса посмотрела на него, пытаясь представить, как маркиз выглядит в минуты отдыха. Как вольготно он устраивается в мягком кожаном кресле, закидывает ноги в сапогах на стол. Сюртук и жилет измяты, манжеты расстегнуты, рукава закатаны до локтей. Он читает газету, время от времени потягивая бренди из бокала. Легкая щетина покрывает этот изысканно вылепленный подбородок, а его густые черные волосы виднеются в…

– Мисс Хайвуд!

Она вздрогнула.

– Да?

Гренвилл наклонился к ней и понизил голос.

– Могу сказать по собственному опыту, что кадрили – хоть иногда и производят впечатление бесконечных – все равно когда-нибудь заканчиваются. Поэтому вам лучше бы вернуться в бальный зал. И мне – тоже.

– Да, разумеется. Вы можете выждать минут десять, а потом пойти за мной. Тогда у меня будет время выдумать причину, чтобы вообще уйти с бала. Может, сошлюсь на головную боль. О, но у нас ведь впереди еще целых две недели! С завтраками все просто. Джентльмены обычно завтракают рано, а я всегда встаю позже десяти. В течение дня вы, конечно, будете заниматься спортом с сэром Верноном, а я вместе с другими дамами примусь за письма и прогулки по саду. Так можно выиграть несколько дней. Однако завтра состоится ужин… Боюсь, очередь за вами.

– Очередь за мной?

– Сослаться на недомогание. Или придумать какой-нибудь план. Я ведь не могу жаловаться на головную боль каждый вечер, пока мы здесь.

Маркиз подал ей руку, и Шарлотта приняла ее. Затем он помог девушке подняться, и она оказалась в непосредственной близости от него.

– Вы уверены, что не имеете на меня никаких видов? А то вы уже, судя по всему, принялись составлять мое расписание, словно мы женаты.

Шарлотта рассмеялась.

– Ничего подобного, поверьте мне. Не важно, на что надеется моя мать, я не разделяю ее намерений. Из нас получилась бы кошмарная пара. Я слишком молода для вас.

– Да, вы ясно это обозначили.

– И вы – образец пристойности.

– А вы здесь… И одна.

– Совершенно верно. И мое сердце открыто, а ваше явно…

– …на своем обычном месте.

Шарлотта не исключала, что оно погребено где-то за Полярным кругом.

– И главное, милорд, у нас нет ничего общего. Мы были бы словно два незнакомца, живущие в одном доме.

– Я маркиз. У меня пять домов.

– Но вы ведь поняли, о чем я, – заметила мисс Хайвуд. – Это обернется настоящей катастрофой во всех отношениях.

– Существование, отмеченное скукой и пронизанное страданием.

– Вне всякого сомнения.

– Придется выстраивать наши отношения на сексуальном согласии.

– Э… Что?

– Я говорю о занятиях любовью, мисс Хайвуд. По крайней мере эту малость вполне возможно вынести.

Краска залила всю шею и лицо Шарлотты.

– Я… Вы…

Пока она пыталась преодолеть внезапное онемение, на лице маркиза промелькнула улыбка.

Неужели это возможно? Лед тронулся?

У нее вдруг стало легче на душе.

– Вы издеваетесь надо мной, милорд.

Гренвилл пожал плечами в знак согласия.

– Вы первая начали.

– Ни в коем случае!

– Обозвали меня старым и неинтересным.

Шарлотта сдержала улыбку.

– Вы же понимаете, что я говорила не об этом.

О господи! Не может быть! Если бы заранее было известно, что он способен вот так поддразнивать и что над ним можно подшучивать в ответ, маркиз показался бы ей куда как более привлекательным джентльменом.

– Мисс Хайвуд, я не тот человек, которого можно заставить сделать что-нибудь против воли. Не говоря уже о том, чтобы жениться. Когда я служил дипломатом, то имел дело с королями и генералами, деспотами и сумасшедшими. С какой стати вы поверили в то, что я могу пасть под натиском какой-то мамаши, которая жаждет выдать свою дочь замуж?

Шарлотта вздохнула.

– С той, с которой вы пока не встречались, с моей матушкой.

Как заставить его осознать всю серьезность ситуации?

Лорд Гренвилл ничего не знал – да ему наверняка было бы все равно, узнай он это, – но для Шарлотты существовало нечто более важное, чем слухи и пасквили в скандальных журналах. Вместе с Делией Паркхерст она рассчитывала целиком пропустить следующий лондонский сезон ради поездки в Европу. Девушки уже все распланировали: шесть стран, четыре месяца, две лучшие подруги, одна на двоих исключительно снисходительная компаньонка. И абсолютно никаких надоедливых родителей.

Однако перед тем как начать паковать чемоданы, им нужно было добиться разрешения. Этот осенний загородный прием давал Шарлотте шанс доказать сэру Вернону и леди Паркхерст, что слухи на ее счет – полная чушь. То, что она не какая-то нахальная охотница за приданым, а девушка воспитанная, приличная и верная подруга, которой можно доверить сопровождать их дочь в длительном путешествии.

Шарлотта не могла позволить себе провалить испытание. Делия очень рассчитывала на нее. Подруга не перенесет, если все их мечты снова потерпят крах.

– Пожалуйста, милорд. Если бы вы только согласились…

– Тихо!

В один миг весь облик маркиза преобразился. Холодность и аристократизм вдруг сменились сильным беспокойством, когда он кивнул в сторону двери.

Шарлотта тоже услышала. Шаги в коридоре. Приближавшиеся шаги.

И приглушенные голоса. Прямо за дверью.

– О нет! – выдохнула мисс Хайвуд в панике. – Нельзя, чтобы нас застали вместе.

Стоило ей произнести эти слова, как по библиотеке словно пронесся смерч.

Шарлотта даже не поняла, что произошло.

Гром? Молнии? Только она почему-то оказалась в объятиях маркиза.

Девушка в ужасе смотрела на поворачивающуюся со скрипом ручку двери. А в следующий момент уже стояла на диванчике в оконной нише, скрытая за тяжелыми бархатными портьерами.

Ее грудь прижималась к груди лорда Гренвилла.

Мужчины, которого Шарлотта собиралась избегать любой ценой.

О господи!

Она стискивала лацканы его сюртука, а он крепко обнимал ее. Его руки легли ей на спину. Одна на уровне талии, другая между лопаток. Перед глазами у Шарлотты оказался его белоснежный галстук.

Несмотря на неловкость ситуации, она поклялась себе, что не пошевелится и не издаст ни звука. Если их обнаружат в такой позе, Шарлотта Хайвуд погибла. Мать запустит свои когти в лорда Гренвилла и больше не отпустит его. Так и будет, если только сначала Шарлотта не испустит дух.

Тянулись томительные секунды, все больше и больше казалось, что их вот-вот обнаружат.

В комнату вошли двое и не стали терять времени понапрасну.

Звуки, которые они издавали, были едва слышны. Приглушенное хихиканье и шуршание материи.

Сквозь шторы проник густой, резкий запах духов.

Мисс Хайвуд подняла глаза, пытаясь увидеть в темноте реакцию маркиза. Он смотрел прямо перед собой, вновь бесстрастный, как ледяная скульптура.

– Ты думаешь, он заметил? – пробормотал мужской голос.

В ответ раздался хриплый женский шепот:

– Тшш. Давай быстро.

Ужас распространялся в груди Шарлотты.

Через пару мгновений это чувство усилилось, когда послышались хлюпающие звуки.

«Пожалуйста, – мысленно взмолилась она, зажмуриваясь изо всех сил. – Пожалуйста, пусть это будет не то, о чем я подумала».

Ее молитвы не были услышаны.

Звуки приобрели ритмичность. К ним присоединилось поскрипывание в том же темпе, которое, как показалось Шарлотте, могло исходить только от стола. На него налегали с силой. И только она заставила себя привыкнуть к этому ужасу, как… Как началось хрюканье.

Все-таки человеческое тело – странная штука, подумала Шарлотта. Люди могут опустить веки, чтобы избавиться от надоевшей картины перед глазами. Могут сомкнуть губы, чтобы избежать неприятного вкуса. Но уши не обладают способностью самостоятельно избавляться от ненужных звуков.

Уши можно только заткнуть. Для этого необходимы руки, но она не могла позволить себе пошевелиться. Диванчик под окном был слишком узким. Даже незначительное движение задело бы шторы, и они разошлись бы в стороны.

Так что выбора у нее не было, приходилось слушать все это. Хуже того – понимать, что лорд Гренвилл тоже вынужден слушать. И, должно быть, как и Шарлотта, различает каждый скрип стола, каждое хрюканье. Каждое пылкое стенание.

– Ах!

Хрюк.

– О!

Хрюк.

– Ааа!

Боже правый! Эта женщина получает удовольствие или повторяет вслух гласные родного языка?

Шарлотту начал душить смех. Она попыталась сдержать приступ, затем задышала чаще, чтобы избавиться от него. Безуспешно! Должно быть, это чисто нервное или от ощущения полнейшей нелепости, в которой она оказалась замешана. Но чем больше Шарлотта уговаривала себя не смеяться – ведь на кону ее репутация, поездка с Делией, все ее будущее, – тем сложнее было сдерживаться.

Она закусила щеку, потом крепко сжала губы в отчаянной попытке обуздать себя, но, несмотря на все усилия, ее плечи судорожно затряслись.

Движения любовников ускорились, скрип стола заглушил пронзительный, какой-то собачий скулеж. Невидимый мужчина вдруг издал горловое рычание:

– Гррр!

Шарлотта проиграла сражение с самой собой. Еще мгновение, и она рассмеется во весь голос.

Катастрофа была бы неминуема, если бы рука лорда Гренвилла не легла ей на затылок. Он притянул ее голову к своей груди, и девушка уткнулась лицом ему в жилет.

Маркиз крепко удерживал ее, а у Шарлотты тряслись плечи, слезы катились по щекам, но взрыва смеха не последовало. Так, должно быть, солдат накрывает своим телом гранату.

Это было самое необычное объятие, которое ей довелось пережить в жизни, но именно в нем девушка отчаянно нуждалась.

И тут – слава богу! – все закончилось.

Еще пару минут любовники о чем-то шептались и обменивались поцелуями. Какие бы детали одежды ни были сняты и отброшены в сторону, их собрали, вернули на место, привели в порядок. Потом дверь снова открылась и закрылась. Только запах духов остался в воздухе.

Воцарилась тишина. Были слышны лишь быстрые, ровные удары.

Это стучит сердце лорда Гренвилла, сообразила Шарлотта. Все-таки его сердце не погребено за Полярным кругом.

Глубоко и прерывисто вздохнув, он отпустил ее.

Она не знала, куда спрятать взгляд. Не знала, что сказать. Шарлотта промокнула глаза, потом провела руками по платью, чтобы убедиться, что все в порядке. Наверняка больше всего пострадала прическа.

Маркиз прочистил горло.

Их глаза встретились.

– Смею ли я надеяться, что вы достаточно невинны, чтобы не понять, что тут только что произошло? – спросил он.

Шарлотта вскинула брови.

– Одно дело – невинность, а другое – невежество. Первое можно отнести ко мне, второе – нет.

– Именно этого я и боялся.

– Это правильное слово, – заметила она, вздрогнув. – Все было… ужасно. Подобное оставляет шрамы на всю жизнь.

Маркиз поправил манжеты.

– Не стоит больше говорить об этом.

– Но мы не сможем об этом забыть. Воспоминание будет преследовать нас. Лет через десять каждый обзаведется своей семьей и будет жить наполненной, богатой жизнью, но однажды мы случайно столкнемся в какой-нибудь лавке или в парке, и… – Шарлотта щелкнула пальцами. – И наши мысли тут же вернутся к этому диванчику под окном.

– Я совершенно искренне намереваюсь навсегда выкинуть данный инцидент из головы. Предлагаю вам сделать то же самое. – Лорд Гренвилл откинул штору. – Теперь, должно быть, уже безопасно.

Он спустился на пол первым, сделав широкий шаг. Шарлотта снова удивилась, с какой быстротой ему удалось спрятать их обоих. То, как он действовал, – впечатляло.

Маркиз нашел шнур, которым подвязывали шторы, и закрепил одну половину.

Подобрав юбки, Шарлотта приготовилась спрыгнуть с диванчика.

– Подождите, – сказал он. – Я вам помогу.

Однако она уже начала движение. Но то, что задумывалось как грациозный шажок вниз, стало неуклюжим падением.

В стремительном порыве лорд Гренвилл подхватил ее, не дав свалиться. К тому времени как Шарлотта обрела твердый пол под ногами и пришла в себя, она снова оказалась в объятиях маркиза.

В таких сильных, таких надежных объятиях.

– Благодарю вас. – Чувства переполняли ее. – И вот снова.

Он смотрел на девушку сверху вниз, и она вновь заметила промелькнувшую улыбку на его лице.

– Для девицы, которая не хочет иметь со мной никаких дел, вы бросаетесь на меня с подозрительным постоянством.

Вспыхнув, Шарлотта высвободилась.

– Мне противна мысль стать свидетелем того, как вы будете обходиться с мужчиной, который вам понравится, – добавил он.

– В таком случае у меня никогда не будет мужчины, который мне понравится.

– Не говорите глупости! – Маркиз нашел шнур, которым подвязывали вторую половину шторы. – Вы молоды, очаровательны, обладаете умом и живостью. Если случай с несколькими перепутанными вожжами на Роттен-Роу убедил каких-то джентльменов, находящихся в самом расцвете сил, избегать вас, тогда я боюсь за будущее нашей страны. Значит, Англия сильно поглупела.

Для Шарлотты его слова были как бальзам на душу.

– Милорд, вы так любезны.

– Это не любезность. Это простое наблюдение.

– Тем не менее мне… – Она вдруг похолодела. – О боже!

Их все-таки застукали. Дверь в библиотеку широко распахнулась.

На пороге стоял Эдмунд Паркхерст, восьмилетний наследник титула своего отца баронета, бледный, с широко открытыми глазами, похожими на блюдца.

– О, это ты. – Она с облегчением приложила руку к груди. – Эдмунд, дорогой, я думала, что ты уже в постели.

– Я услышал шум, – заявил мальчик.

– Тут все тихо, – заверила его Шарлотта, подошла к мальчишке и наклонилась, чтобы посмотреть ему в глаза. – Тебе показалось.

– Я слышал звуки, – настаивал тот. – Отвратительные звуки.

– Нет-нет. Тут ничего не произошло. Мы просто… играем.

– Тогда почему вы кричали? – Мальчик кивнул в сторону лорда Гренвилла, который все еще держался за шнур для шторы. – И почему у этого постороннего джентльмена в руках веревка?

– Ах это… Это не веревка. И лорд Гренвилл вовсе не посторонний, а гость твоего отца. Приехал после обеда.

– Вот, смотрите. – Маркиз выступил вперед и протянул Эдмунду плетеный бархатный шнур…

Вне всякого сомнения, ему хотелось развеять страхи ребенка. Только он не сообразил, что испуганного мальчугана вряд ли мог успокоить высоченный, внушительных габаритов мужчина, которого вдобавок тот еще не видел никогда в жизни.

Эдмунд отскочил назад и закричал что было сил:

– Помогите! Помогите! Убийца!

– Нет, дорогой! Тут нет никакого…

– Убийство! – завизжал мальчик, выскочив за дверь и помчавшись по коридору. – Убийство!

Шарлотта посмотрела на Гренвилла.

– Не стойте там. Нам нужно остановить Эдмунда.

– Я мог бы перехватить его в холле, но что-то мне подсказывает, что это бессмысленно.

И уже через минуту в библиотеке появился ее заботливый хозяин, сэр Вернон. За ним последовала самая нежелательная в данный момент персона – миссис Хайвуд.

– Шарлотта, – нахмурилась она. – Я обыскала весь дом. А ты была здесь?

Сэр Вернон остановил кричавшего сына.

– Что случилось, мой мальчик?

– Я слышал крики. Как будто здесь кого-то убивали. – Эдмунд показал на гостей пальцем. – Это они.

– Тут никого не убивали и не кричали, – вмешалась Шарлотта.

– Мальчик все перепутал, – добавил лорд Гренвилл.

Сэр Вернон положил руку сыну на плечо.

– Расскажи мне, что именно ты слышал.

– Я был наверху, – начал Эдмунд. – Сначала кто-то начал кричать, вот так: «А-а-а!»

Шарлотта замерла, когда мальчишка принялся воспроизводить все страстные звуки, которые слышал в последние четверть часа. Каждый вздох, каждый вопль

и стон. Не возникало никакого сомнения, чем именно здесь занимались и что конкретно услышал Эдмунд. Теперь присутствующие сделают вывод, что всем этим занимались мисс Хайвуд и лорд Гренвилл.

И хрюкали.

И пользовались шнуром.

В самых жутких кошмарах Шарлотта не могла представить себе подобную сцену.

– Тут кто-то страшно рычал, и я слышал, как кричала какая-то дама. Поэтому я побежал вниз, чтобы посмотреть, в чем дело. – Он направил свой обвиняющий перст на диванчик под окном. – Вот где они находились вдвоем.

Вид у сэра Вернона был весьма взволнованный.

– Ну что ж, – сказала миссис Хайвуд. – Я искренне надеюсь, что лорд Гренвилл все объяснит сам.

– Пардон, мадам. С чего вы взяли, что это не ваша дочь должна нам все объяснить? – Сэр Вернон пристально взглянул на маркиза. – В Лондоне ходят кое-какие слухи.

Шарлотта съежилась.

– Сэр Вернон, нам нужно поговорить наедине, – сказал лорд Гренвилл.

Нет-нет! Разговор наедине обернется для нее ужасными последствиями. Все должны услышать правду здесь и сейчас!

– Все было не так, – заявила Шарлотта. – Абсолютно все.

– Вы хотите сказать, что мой сын солгал, мисс Хайвуд?

– Нет, просто… – Она сдавила переносицу. – Это недоразумение. Ведь ничего не случилось. Никто не убит, никто вообще не пострадал. Не было никакой веревки. Лорд Гренвилл подвязывал шнуром штору.

– А почему, интересно, штора оказалась отвязанной? – спросил сэр Вернон.

– Тут что-то лежит на полу, – объявил Эдмунд.

Когда он поднял предмет, сердце Шарлотты остановилось.

Это была подвязка.

Подвязка в виде алой ленты.

– Это не мое, – возмутилась она. – Впервые вижу эту подвязку. Клянусь!

– А что насчет этого? – Мальчишка перевернул ленту и показал вышивку на ней.

На ленте оказалась вышита буква С [2 - Начальная буква имени героини на англ. яз. (Charlotte). Далее все упоминаемые имена дам, которых героиня подозревает в адюльтере, тоже начинаются на эту букву вне зависимости от того, как пишутся по-русски.].

Шарлотта бросила отчаянный взгляд на лорда Гренвилла:

«Что теперь?»

Миссис Хайвуд заговорила громко и отчетливо.

– Не могу поверить, что лорд Гренвилл – настоящий джентльмен! – мог так бесстыдно и в такой шокирующей манере повести себя с моей дочерью.

«О нет!»

– Могу лишь прийти к выводу, что он был обуреваем страстью! – объявила мамаша. И шепнула дочери: – Я никогда еще так не гордилась тобой.

– Мама, пожалуйста. Не устраивай сцен.

Но, конечно, именно этого и хотела миссис Хайвуд. Она не могла упустить возможность закатить скандал, если в результате ее дочь будет обручена с маркизом.

О господи! Шарлотта ведь хотела предостеречь его, а теперь ее самые большие страхи воплотились в реальность.

– Я говорю правду, мама. Ничего не было.

– Не важно, – прошептала миссис Хайвуд. – Люди будут думать, что здесь кое-что произошло.

Нужно было срочно что-то предпринять.

– Это не моя подвязка! На мне сейчас надеты обе. И я могу доказать это. – Шарлотта наклонилась и схватилась за край юбок.

Мать хлопнула ее сложенным веером по рукам.

– При всех? Ты этого не сделаешь!

А как иначе она могла доказать, что на ней две подвязки, сэру Вернону, который верил, что подвязка только одна?

Еще раз Шарлотта попыталась объяснить случившееся.

– Мы здесь просто беседовали с лордом Гренвиллом.

– Беседовали? – Миссис Хайвуд принялась энергично обмахиваться веером. – О чем, хотелось бы узнать?

– Убийство! – опять заверещал Эдмунд. – У-бий-ство, у-бий-ство, у-бий-ство!

– Не было никакого убийства! – воскликнула Шарлотта. – И вообще ничего непристойного. Мы говорили о…

– О чем? – резко спросил сэр Вернон.

И тут в разговор вступил лорд Гренвилл. Остановив миссис Хайвуд прикосновением к руке, он откашлялся и дал абсолютно правдивый – и напрочь всех поразивший! – ответ:

– Мы говорили о свадьбе.

Глава 2

На следующее утро Пирс сидел за столом у себя в комнате, потягивая из чашки кофе и массируя виски. В голове стучал кузнечный молот.

– Как именно это произошло? – В углу Ридли чистил щеткой синее пальто хозяина. – Объясните еще раз.

– Не уверен, что получится, да и пальто можно не чистить.

Ридли пожал плечами и продолжил работать щеткой.

– Мне все равно. Меня это успокаивает.

– Ну, как хочешь.

С бытовой точки зрения Ридли вроде как его камердинер, но для Пирса скорее коллега по службе английскому правительству, партнер, обладающий полным доверием, и равный во всем профессионал. Ридли в усадьбе Паркхерста, как обычно, внимательно прислушивался к разговорам слуг, а в это время Пирс вращался среди знати. Ему очень не нравилось просить приятеля разыгрывать из себя лакея.

– Когда началась кадриль, я направился в библиотеку, – попытался Пирс восстановить ход событий прошлого вечера и найти в них какой-то смысл. – Планировал начать расследование.

Расследование! То была истинная причина его присутствия на загородном приеме. Сэр Вернон Паркхерст пребывал в полном неведении о том, что его кандидатуру рассматривали для назначения на весьма ответственный пост. Правительству был нужен заслуживающий доверия спецпосланник, чтобы разобраться в кое-каких запутанных коррупционных делах в Австралии. Проверка представляла собой довольно простую процедуру. Если бы не одно «но».

За последние несколько месяцев этот человек был уличен в растрате небольшими суммами, довольно нерегулярно – сотня фунтов здесь, две сотни там. Кроме того, не раз исчезал из Лондона на несколько дней. Вроде бы ничего серьезного, но подобное поведение могло обернуться большими проблемами. Скорее всего, это страсть к картам, а может, любовница. Нельзя было исключать и шантаж.

Если у сэра Вернона имелись секреты, за которые приходится платить, чтобы их не разгласили, то Пирс должен был их узнать. В этом и заключалась его задача.

– Я собирался быстро обыскать его письменный стол, чтобы найти гроссбух с записью расходов или какие-нибудь письма, но она мне помешала. А мы даже не были представлены друг другу. Вошла, не постучав. Эта девушка показалась мне… вызывающей.

– И хорошенькой.

– Думаю, да.

Отпираться не имело смысла. Ридли не был слепцом. Мисс Хайвуд весьма хороша собой. И в самом деле – эти полные живости глаза, эта широкая смелая улыбка. А еще соблазнительная фигурка…

– И очаровательной, гарантирую.

– Может быть.

– Как порыв свежего ветерка, – восхищался Ридли, продолжая работать руками. – Как луч невинности, как поток солнечного света, который согрел ледяное черное сердце закоренелого шпиона.

Пирс пренебрежительно фыркнул и снова принялся за кофе, чтобы положить конец разговору.

Вот черт! Ридли слишком хорошо его знал, и в общем-то оказался прав.

Дворцы и парламенты, в которых лорд Гренвилл провел большую часть своей жизни, воспринимались им как подмостки бесконечного спектакля. Любой, с кем он сталкивался там, от королей до куртизанок, играл свою роль. Особняк Паркхерста был просто очередной сценой для еще одного спектакля. И, надо сказать, довольно скучного.

Неожиданно на сцену ворвалась эта девушка – очаровательное создание в розовом платье, худшая актриса из всех, кого он знал. Она путалась в репликах, пустила под откос сценарий. Что бы она ни делала, как ни старалась, Шарлотта Хайвуд не могла быть никем другим, кроме как самой собой.

Такое качество редко встречалось и казалось каким-то освежающим. Пирс, как говорится, в полной мере испытал на себе силу ее очарования. Это мимолетное наслаждение может дорого обойтись ему.

– Я позволил мисс Хайвуд кокетничать слишком долго, – признался он. – И нас застукали. Любые объяснения в данной ситуации лишь спровоцировали бы новые вопросы.

Например, такой: как он вообще оказался в личной библиотеке сэра Вернона? Пусть лучше хозяин думает, что его гость отыскал укромный уголок, чтобы соблазнить хорошенькую особу, чем узнает правду.

– Такие ошибки для вас не характерны, милорд, – сказал Ридли.

Уж это точно.

Пирс потер лицо руками. Нет никакого смысла зацикливаться сейчас на этом. Нужно двигаться дальше. Честно признать свои ошибки и исправить их, если возможно. Если нет, хотя бы минимизировать ущерб.

Прошлой ночью у него имелся другой выход из катастрофической ситуации. Можно было, например, не сознаваться, что он имеет какое-то отношение к происшествию, покинуть сцену с «убийством», отказаться от задания и бросить невинную девушку на растерзание чудовищам.

Или можно исполнить свой долг каким-то другим способом?

– Естественно, вы поступите благородно, – заметил Ридли. – Как поступаете всегда.

Пирс с иронией посмотрел на него. Оба понимали, что благородство – вещь, ускользающая при работе подобного рода. О, они изо всех сил старались поймать это пленяющее ощущение героического и патриотического. В конце концов, именно в этом крылась причина, по которой они занимались своей работой. Но пока погони не приносили заметного успеха. А вот стыд и чувство вины следовали по пятам.

Лорд Гренвилл уже по опыту знал, что лучше всего не копаться в себе. В последнее время он вообще не пытался анализировать свои действия. То немногое, что осталось от его благородства, скрывалось за ложью, пряталось во мраке.

К сожалению, случай с мисс Хайвуд станет точно таким же, как и другие. Она заслужила лучшего отношения, чем то, которое Пирс собирался продемонстрировать ей сегодня.

Он постучал пальцем по папке перед собой. В ней содержалась информация обо всех проживающих, гостях и слугах поместья Паркхерст, включая Шарлотту Хайвуд.

– Ты уже просмотрел данные. Изложи коротко.

Ридли пожал плечами.

– Все могло быть намного хуже. Она происходит из семьи джентри. Это несколько поколений деревенских землевладельцев со средним, но верным доходом. Ее отец умер, оставив трех дочерей и ни единого сына. Его поместье перешло к кузену, а девочки получили весьма скромное приданое. Шарлотта – младшая среди них. Старшая – Диана – в юности страдала астмой, поэтому семья переехала к морю, чтобы поправить ей здоровье. Вот здесь начинается кое-что интересное.

Пирс допил кофе до горького осадка на дне чашки.

– И?…

– Они отправились в Спиндл-Коув.

– Спиндл-Коув? Что-то знакомое.

– Перед замужеством леди Кристиан Пирс тоже провела там какое-то время.

– Вайолет? Ты прав. Это интересно. – Насколько он помнил, парочка сейчас обосновалась на юге Франции.

– Спиндл-Коув – это небольшая деревушка. Ее основала дочь сэра Льюиса Финча как тихую гавань для девушек с некоторыми особенностями поведения. Девушки придерживались там строгого режима. По понедельникам прогулки на природе. По вторникам морские купания. По средам работы в саду. По четвергам…

– Вообще-то мне не требуются подробности, – поторопил коллегу Пирс. – Вернемся к Хайвудам. У нее есть какие-нибудь связи?

– Тут две новости: хорошая и плохая.

– Начни с плохой, пожалуйста.

– Старшая сестра замужем за местным кузнецом.

Лорд Гренвилл покачал головой.

– Не могу поверить, что мамаша ей позволила. Должно быть, не было другого выхода.

– И хорошая: средняя сестра сбежала с виконтом.

– Да, Шарлотта упоминала об этом. С каким именно виконтом?

Раздался стук в дверь. Когда Ридли открыл, в коридоре стоял дворецкий.

– Вас хочет видеть виконт Пейн, милорд, – объявил он.

Закрыв дверь, Ридли усмехнулся.

– Вот с этим самым виконтом.

– Колин? Неужели ты?

– Моя любимая маленькая сестренка!

Шарлотта бросилась к нему через всю гостиную, чтобы крепко обнять своего зятя.

– Как тебе удалось так быстро приехать?

– Твоя матушка прислала письмо с курьером. А у меня врожденный талант осуществлять скоростные броски на север.

– Я так рада, что ты здесь.

Колин все уладит. Или, точнее, в свойственной ему обезоруживающей манере договорится обо всем, сгладит углы, сведет скандал на нет, и тогда они сядут за ленч.

«Ленч» звучало заманчиво. Этим утром Шарлотта не смогла съесть ни кусочка, хотя голод давал о себе знать.

– Пожалуйста, скажи мне, что не собираешься предпринять какую-нибудь глупость типа вызова на дуэль, – попросила она. – Ты же знаешь, что как стрелок я намного лучше тебя. Минерва никогда мне этого не простит.

– Не будем говорить о дуэли. В этом нет необходимости.

Шарлотта вздохнула с облегчением.

– Ну слава богу!

– Сегодня утром Гренвилл собирается сделать тебе предложение, и я согласился позволить ему это.

– Предложение? Но это абсурд! Мы оба… Мы ведь всего лишь разговаривали.

– Наедине, – подчеркнул Колин.

– Но мы спрятались лишь тогда, когда в комнату кто-то зашел.

– Да, на диванчике у окна. – Он многозначительно посмотрел на нее. – Где вы слушали то, что происходило во время страстного свидания.

Шарлотта грустно вздохнула.

– Мы ничего не делали.

Колин с сомнением приподнял брови.

– Мне самому не один раз удавалось выходить сухим из воды в разных переделках. Не могу поверить, что между вами ничего не было.

– Мы ничего такого не делали, говорю же тебе. Ты мне не веришь?

– Верю. Я тебе верю, детка. Но если только те таинственные любовники не объявятся, больше никто не поверит. И, откровенно говоря, чистая правда о том, что вас застали наедине и в непосредственной близости друг от друга, дурно отразится на твоих перспективах. Это было неблагоразумно с твоей стороны, Шарлотта.

– С каких это пор тебя заботит благоразумие? Ты сам заядлый повеса.

В знак протеста Колин вскинул вверх палец.

– Я был заядлым повесой. Сейчас я отец семейства. И позволь довести до твоего сведения следующее: несмотря на то что Минерва будет оспаривать древнюю максиму, которая гласит, что исправившиеся повесы становятся наилучшими мужьями, она первой согласится с тем, что мы превращаемся в самых заботливых отцов. Когда я раньше входил в бальный зал, то видел сад, полный цветов, готовых к тому, чтобы их сорвали. А теперь я вижу свою дочь. Дюжины своих дочерей.

– Похоже на озабоченность.

– Это ты мне говоришь? – Он пожал плечами. – На мой взгляд, я слишком хорошо знаю, какие непристойные мысли возникают в головах у мужчин.

– В голове лорда Гренвилла не возникало ничего непристойного. У него самый пристойный ум, с которым мне приходилось сталкиваться.

Однако Шарлотте самой вдруг стало интересно. Она вспомнила, как сильно колотилось его сердце, когда они стояли на том узеньком диванчике. Как он удерживал ее в объятиях. Вспомнила его лукавую улыбку.

«Я говорю о занятиях любовью, мисс Хайвуд. По крайней мере эту малость вполне возможно вынести».

Шарлотту бросило в жар.

– Я еще не готова выходить замуж, – призналась она. – Да, мне хочется повеселиться во время лондонского сезона, и я не планировала так скоро

начинать рассматривать предложения.

– Ну да, кто-то уже говорил про планы, построенные на песке. Уверен, это из Священного Писания.

– Нет, это из баллады Роберта Бёрнса [3 - Бёрнс Роберт (1759–1796) – шотландский поэт.].

– Правда? – Колин равнодушно пожал плечами. – Я редко читаю. В том смысле, что «редко» означает «никогда». Тем не менее мне кое-что известно о любви и о том, как она может посмеяться над человеком.

– Тут не может быть и речи ни о какой любви! Мы едва знакомы. Ему точно так же не нужен этот брак, как и мне.

– О, я в этом сомневаюсь.

– Почему?

Колин склонил голову набок. Лорд Гренвилл сидел в кресле в другом конце этой длинной узкой комнаты. Шарлотта не видела, как он вошел. Маркиз сидел все это время здесь?

– Потому что, глядя, как он смотрит на тебя, хочется взять в руки дубину и расколотить что-нибудь.

– Колин, ты не из тех, кто хватается за дубину.

– Знаю! Поверь мне, я точно так же обеспокоен столь разительными переменами в себе, как и ты.

– И тем, что все это не ко времени.

Зять положил руки ей на плечи.

– Выслушай его, детка. Взвесь все хорошенько. Уж это ты можешь себе позволить. Я поддержу любое твое решение. Но принимать его придется тебе самой.

Шарлотта кивнула в ответ.

После женитьбы на Минерве Колин стал единственным мужчиной в их семье. Тем не менее у него никогда не было особого авторитета. И хотя Шарлотта ценила свою независимость, она в то же время тяготилась ею.

Она никогда не знала своего отца. В детстве ей не хватало присутствия рядом сильного мужского плеча. Старшего брата, например, или дяди. Какой-нибудь кузен тоже сгодился бы. Просто чтобы в комнату вошел мужчина: мудрый, опытный, понимавший ее стремления и интересы – и сказал бы: «Отправляйся наверх, Шарлотта, отдохни. Я все возьму на себя».

– Отправляйтесь наверх, Шарлотта, отдохните. – Лорд Гренвилл встал из кресла и пересек комнату. – Я все возьму на себя.

Нет-нет-нет!

Это совсем не тот человек!

И почему он называет ее по имени? Такой воспитанный джентльмен должен соблюдать правила приличий. Фамильярность допустима только среди членов семьи.

Или у парочек, которые уже помолвлены.

Шарлотта уставилась на ковер под ногами.

– Мы пока друг другу никто, милорд.

– Полагаю, да. Но это ненадолго.

Колин поцеловал ее в щеку.

– Оставляю вас наедине.

– Нет! – зашипела она и потянулась, чтобы схватить его за рукав. – Колин, нет! Ты не можешь бросить меня.

Но тщетно. Зять увернулся и вышел из комнаты.

У нее не осталось другого выхода, кроме как обратиться к маркизу. Шарлотта отметила усталость в его взгляде. Судя по всему, Гренвиллу было не до сна этой ночью. Так же как и ей. Однако он нашел время принять ванну и побриться. Сейчас на нем был темно-синий утренний сюртук в дополнение к безукоризненным на вид светло-коричневым бриджам и до блеска начищенным сапогам.

Шарлотта никогда не доверяла людям, которые настолько хорошо выглядели по утрам.

Она заправила непокорную прядь волос за ухо.

– Вы ведь не можете всерьез сделать мне предложение руки и сердца.

– Могу и делаю. Я дал слово вашей матери, сэру Вернону и вашему зятю вдобавок.

Шарлотта недоверчиво замотала головой.

– Это просто немыслимо!

Маркиз промолчал в ответ.

– Извините, – сказала она. – Я не хотела, чтобы это прозвучало бесчувственно. И словно вы последний мужчина на земле, которого я выбрала бы себе в мужья. Я не настолько глупа, чтобы утверждать нечто подобное. Мне всегда казалось странным, когда женщины говорят такие вещи. Последний мужчина – это как? Я о том, что в мире полно преступников и тупиц. Но даже если не считать их, то вряд ли найдутся миллионы тех, кто принимает ванну.

– Значит, вы хотите сказать, что я занимаю положение выше среднего.

– В верхней четверти шкалы, и очень уверенно. Именно поэтому вы заслуживаете лучшего, чем женитьба на первой попавшейся нахальной девчонке, которая буквально кинулась вам на шею.

На его губах промелькнула едва заметная улыбка.

– Почему вы решили, что были первой?

О боже! Он вновь стал милым и очаровательным. В такое время суток рановато для утонченного юмора. Шарлотта еще не привела в готовность механизмы своей защиты.

– Вы ведь маркиз и дипломат.

– Я пока не страдаю амнезией. И хорошо помню, кто я такой.

– Тогда вы должны вспомнить следующее: вам нужна жена элегантная и воспитанная. Превосходная хозяйка дома.

Лорд Гренвилл посмотрел на нее, и от его взгляда Шарлотте стало неуютно.

– Все, что мне нужно от брака, мисс Хайвуд, это наследник.

Она громко сглотнула.

– Мне нет нужды жениться ради денег или связей, – продолжил он. – А вы получите свою выгоду. Что касается меня, то мне нужна молодая здоровая невеста – предпочтительно интеллигентная и добрая, – которая родит мне детей, чтобы уверенно продолжался мой род. Ситуация, в которой мы оказались, пусть и неожиданно, пойдет нам обоим на пользу.

– Значит, вы предлагаете брак, основанный на общей выгоде, – заключила Шарлотта. – Простая сделка. Ваше богатство в обмен на мое чрево.

– Это весьма грубое описание.

– Но разве не честное?

Возможно, ему действительно не была нужна практичная и элегантная спутница жизни. Может быть, дружеское общение он сумеет найти где-то на стороне, и все, что ему потребуется, – это способная родить молодая жена, которая не будет приставать со своими чувствами.

Вот и еще одна причина отказать маркизу.

Он подвел ее к двум креслам и пододвинул одно из них, чтобы Шарлотта села. Она как раз ощущала слабость во всем теле.

– Наверняка брак вам представлялся совсем по-другому, – заметил маркиз. – Мне кажется, вы найдете мое предложение весьма подходящим. Когда станете леди Гренвилл, у вас будет прекрасный дом. Вообще-то их несколько.

– Да, – тихо произнесла Шарлотта. – Я помню, вы говорили про пять домов.

– У вас также будут деньги на карманные расходы, право на наследство, доступ в высшие круги общества. Когда появятся дети, не нужно становиться нянькой при них. В общем вы получите все, что только пожелаете.

– За одним важным исключением.

– Скажите, что это, и оно у вас тоже будет.

Разве это не очевидно?

– Я хотела бы влюбиться.

Лорд Гренвилл задумался.

– Полагаю, и это может стать предметом переговоров. После того как вы подарите мне наследника и только если пообещаете вести себя осмотрительно.

Шарлотте его слова показались невероятными.

– Вы ошиблись, милорд. Мне нужно влюбиться в мужчину, за которого я выйду замуж. Более того, хотелось бы, чтобы и он любил меня. Разве вам не хочется того же в браке?

– Если честно, то нет, не хочется.

– Только не говорите мне, что вы принадлежите к тем тупоголовым мужчинам, которые не верят в любовь.

– О, я верю, что любовь существует. Но мне никогда не хотелось влюбиться.

– Почему?

Лорд Гренвилл посмотрел в сторону, словно тщательно подбирал слова для ответа.

– Любовь – это способ поменять приоритеты у мужчины.

– Хотелось бы надеяться, что так и есть. – Шарлотта слегка улыбнулась. – И что это влечет изменения в лучшую сторону.

– Вот именно поэтому любовь – единственная роскошь, которую я не могу себе позволить. Я связан долгом и ответственностью. Огромное число людей зависит от моего здравомыслия. Поэты очень справедливо говорят «потерял голову от любви», но никогда «приобрел голову». Это бесконтрольный процесс: никто не знает, куда упадет потерянная голова.

Ей показалось, что маркиз в чем-то прав. Но Шарлотта не могла представить, как можно согласиться выйти замуж без любви.

«Любовью сыт не будешь», – словно донесся до нее голос матери. И все равно: о чем можно беседовать с грудой денег? Она не сможет найти нежности и страсти в огромном пустом доме. Или даже в пяти домах.

Шарлотта слишком хорошо знала себя. На одной учтивости брак долго не продержится. Она попытается сделать все, чтобы муж полюбил ее, и когда потерпит неудачу, почувствует обиду. Все закончится обоюдным презрением.

Именно по этой причине – и не важно, какие планы на ее счет строила мать! – Шарлотта пообещала себе, что будет следовать только велению сердца.

– Я не могу согласиться с очень удачным предложением, милорд. Ваша преданность своему долгу заслуживает самого высокого уважения, но «ляг на спину и думай об Англии» совсем не для меня.

Его голос зазвучал низко и таинственно.

– Я не в силах обещать выполнить все, что вы пожелаете, но одно все-таки пообещаю: когда уложу вас в свою постель, вы и не вспомните про Англию.

– О!

Когда он заговорил о постели прошлой ночью, Шарлотта лишилась дара речи, а в этот раз утратила способность дышать.

Шарлотта не была самой красивой среди сестер Хайвуд: эта честь досталась Диане, – тем не менее понимала, что очень мила по английским стандартам. Шарлотта знала, что нравится противоположному полу. Даже с кем-то целовалась раз или два. Но все те обожатели были мальчишками, вдруг поняла она.

А вот лорд Гренвилл настоящий мужчина!

И под этим отлично скроенным утренним смокингом наверняка скрывается литой, мускулистый торс, мощные тугие бедра. У него сильное крепкое тело в тех местах, где ее собственное – нежное и мягкое. И наверняка черные волосы курчавятся в укромных уголках.

– Шарлотта!

Она вздрогнула, приходя в себя.

– Да?

О господи, он опять представился ей в обнаженном виде!

В комнате вдруг стало непереносимо душно.

– Это просто нечестно, – сказала она и пожалела о том, как, должно быть, по-детски это прозвучало. – Мы ни в чем не виноваты. Почему вы не рассказали сэру Вернону правду? О том, что вы пришли в библиотеку, чтобы… – Пораженная, Шарлотта встрепенулась. – А действительно, что вы делали в библиотеке?

– Это не важно.

– Полагаю, да. Важнее то, что какая-то другая пара провела свое скандальное любовное свидание на письменном столе, а наказать за это хотят нас.

Маркиз перехватил ее взгляд.

– Если мы не поженимся, только один из нас подвергнется наказанию. И это буду не я.

– Знаю.

Мир приветствовал любовные похождения мужчин и был жесток по отношению к женщинам, которые решались вести себя подобным образом. Лорд Гренвилл вышел бы из такой ситуации без всякого вреда для своей репутации. А Шарлотта была бы уничтожена. Лишилась бы подруг. Лишилась бы надежд встретить любовь. Лишилась бы мечты о грандиозном путешествии!

Жалкая и несчастная!

Лорд Гренвилл – порядочный человек, если решился на такой шаг ради нее. Образец джентльмена!

Он наклонился к ней и взял Шарлотту за руку.

– В этом суть моего предложения.

«Пожалуйста, не надо делать предложение! Не сейчас, когда моя решимость так слаба».

– Понимание… – сказал маркиз.

Она внимательно посмотрела на него.

– Какое понимание? Вернее, что вы понимаете? Разве непонятно – я погибла.

– Нужно заверить миссис Хайвуд и сэра Вернона, что мы достигли взаимопонимания между собой. Взаимопонимания о том, что все держится в тайне до конца моего пребывания на этом приеме. Объявить о помолвке после одной проведенной здесь ночи – значит, вызвать массу новых слухов. А две недели спустя… никому и в голову не придет задаваться вопросами.

Шарлотта расхохоталась.

– Вопросы все равно будут. Вы забыли о моей репутации? Они никогда не поверят, что вы сделали мне предложение по доброй воле. И будут считать, что вам еще посчастливилось сохранить руки-ноги.

Несмотря на возражения, она понимала, что это наилучший из возможных итог их разговора. «Взаимопонимание», которое он предложил… Это, конечно, не решение проблемы, но по крайней мере теперь у нее есть хоть какое-то количество времени. Впереди еще две недели, чтобы найти выход из сложившейся ситуации.

И Шарлотта найдет этот выход. Выход, который устроит их обоих.

Она снова вспомнила слова Колина: «Я тебе верю, детка». Но пока эти таинственные любовники не появятся на сцене, никто больше ей не поверит.

А загадочная парочка не торопилась объявляться. Но это не значит, что найти их будет невозможно. Здесь все-таки загородное поместье, а не Лондон. Возможных вариантов не так много. Если Шарлотта узнает, кто эти люди, и

заставит признаться…

Тогда они с лордом Гренвиллом будут чисты от подозрений.

Две недели! Времени хватит. Должно хватить.

– Хорошо. Взаимопонимание так взаимопонимание. – Она поднялась и быстро пожала ему руку, но когда повернулась, чтобы уйти, маркиз удержал ее.

Шарлотта посмотрела на его ладонь, потом на него самого.

– Милорд?

– Они ждут нас – миссис Хайвуд, ваш зять и сэр Вернон. Я не могу позволить вам выйти отсюда в таком виде.

Смутившись, Шарлотта поднесла руку к волосам.

– В каком таком виде?

Обняв, лорд Гренвилл привлек ее к себе.

– Непоцелованной.

Глава 3

Шарлотта в удивлении подняла на него взгляд. Несомненно, она сейчас ослышалась. Но какое слово он мог сказать? Она прикинула одно, другое, но ничего не придумала, поэтому решилась переспросить:

– Вы собрались поцеловать меня?

– Да, мне кажется, именно это я и сказал.

– Здесь? Сейчас?

Маркиз кивнул.

– В этом и заключалась моя идея.

– Но… почему?

Кажется, он пришел в недоумение.

– По самой обычной причине.

– Считаете, что это убедительный аргумент? Вы, должно быть, думаете, что мною легко управлять. Капелька мужского эликсира с ваших губ, и я отброшу все сомнения. Так, что ли?

Лорд Гренвилл на мгновение отвел взгляд в сторону, но потом посмотрел ей в глаза.

– Я хочу поцеловать вас, Шарлотта, так как считаю, что мне это понравится. И полагаю вам это тоже понравится.

Низкое звучание его голоса производило на нее какой-то странный эффект.

– Вы кажетесь очень самоуверенным, милорд.

– А вы, мисс Хайвуд, – нерешительной, иногда.

– Нерешительной? Это ко мне совсем не относится.

Маркиз осуждающе вскинул бровь.

– Ладно. – Она не собиралась оправдываться. Смирившись, Шарлотта подняла к нему лицо. – Хорошо. Делайте что хотите.

Шарлотта знала, каким будет их поцелуй, поэтому и позволила его. Так она сказала себе. Одно холодное, бесстрастное объятие лишь подтвердило бы истину – между ними ничего нет. Если им не хватит пыла, чтобы зажечься поцелуем, то как можно говорить о браке?

Тогда лорд Гренвилл, может, и откажется от своей идеи прямо здесь и сейчас.

Но все пошло не так еще до того, как их губы соприкоснулись.

Почувствовав силу его рук, когда он прижал ее к себе, Шарлотта испытала головокружение и какой-то девичий ужас, который пронзил ее насквозь.

Она посмотрела маркизу прямо в глаза, не желая, чтобы он заметил, как ей страшно. Но от этого пульс только участился, и Шарлотта вдруг почувствовала себя абсолютно беззащитной.

Поэтому она опустила взгляд и посмотрела на его губы. Очередная ошибка! На расстоянии его рот казался суровым, а вблизи стало заметно, что губы у лорда Гренвилла крупные, красивой формы.

И сейчас они совсем близко!

И тут, несмотря на регулярное напоминание о том, что все пройдет без эмоций, что последуют лишь бесстрастные объятия, Шарлотта запаниковала и вновь ошиблась.

Она облизала губы.

«Шарлотта, ты дура!»

Может, он не заметил?

О, он заметил!

Теперь Пирс замечал все. Ее готовность. Ее любопытство. Мелкую дрожь предвкушения, пробегавшую вверх-вниз вдоль спины. Шарлотта почувствовала себя голой под его обжигающим взглядом.

– Закройте глаза, – сказал он.

– Вы первый.

Она мельком заметила его легкую улыбку.

А потом его губы прикоснулись к ее губам.

Поцелуй… О, это было настолько неожиданно! Все оказалось совсем не так, как Шарлотта себе представляла. В его манере держаться было столько светской чопорности и пристойности. Но когда его губы прижались к ее губам, она почувствовала, что они теплые, что он целует ее со страстью. И словно дразнит.

А руки… Они находились там, где не могли находиться руки приличного джентльмена.

Одна скользнула вниз по ее спине вполне уверенно, даже по-хозяйски. Так, как будто лорд Гренвилл вознамерился обследовать каждый дюйм того, что будет принадлежать ему. Это прикосновение вызвало бурю новых ощущений в ее теле.

Затем рука легла на ягодицу и слегка сжала ее. Он осторожно притянул Шарлотту к себе, и она ощутила его напряжение, силу и тепло.

Шарлотта, шокированная смелостью маркиза, почти задыхалась.

Его язык проскользнул между ее губами. Ласково, но настойчиво, глубже и глубже входя в нее, заставляя целовать в ответ.

Она подчинилась.

Помоги, Небо, она это сделала! Обхватила его руками за шею и ответила на поцелуй. Пытаясь при этом вести себя так, словно имела хотя бы малейшее представление о том, что делает.

Как бы там ни было, маркизу, судя по всему, это понравилось. В груди у него родился тихий стон. Шарлотту опьянил ужас от понимания того, что она может

вызвать такой ответ в этом мужчине. И она еще крепче обняла его.

В ней проснулось какое-то новое чувство. Понимание, желание… Мимолетное видение будущего, к которому Шарлотта еще, как ей казалось, не была готова…

Позже, оставшись одна, она восстановила в памяти каждую секунду этой встречи. Когда именно у нее задрожали колени? Как ему удалось заставить ее захотеть всего этого? Но самое большое беспокойство вызывал вопрос.

Когда именно она начала хотеть его?

Вспыхнувшее желание не стало сюрпризом для Пирса.

Он с первого взгляда отметил ее привлекательность и с нетерпением ждал, когда их познакомят. Пирс оценил изящную женственность ее фигурки, когда они стояли на диванчике в библиотеке, прижавшись друг к другу. При этом он вспомнил все до единого приемы психологического сопротивления, которым его учили на случай попадания в плен и возможных пыток. Вспомнил и воспользовался ими, чтобы отвлечься и не позволить себе возбудиться, пока они прятались за шторами.

Но сегодня все было по-другому.

Сегодня можно было не сохранять дистанцию. И поток желания накрыл его с головой.

Нет, желание не стало неожиданностью.

Но вот потребность в ней… Это чувство по-настоящему поразило маркиза.

Она права – их объятие должно стать побуждением, стимулом. Ему требовалось убедить Шарлотту Хайвуд согласиться принять его руку исходя из двух причин: сохранить репутацию порядочного, благородного человека и избежать вопросов об истинных целях своего пребывания здесь.

Поцелуй с ней входил в список его служебных обязанностей.

Еще никогда работа не доставляла Пирсу такого наслаждения.

Ее муслиновое платье было заношено и чуть ли не просвечивало насквозь, что казалось очень соблазнительным. Близость ее тела сводила с ума. Шарлотта вся была как сочный фрукт.

И оказалась чертовски хороша на вкус.

Пирс никогда не клал сахар в чай, не любил шоколад. Но она перед этим выпила что-то сладкое. С патокой? С медом? А может, это был ее естественный вкус. Что бы то ни было, этого ему было мало. Он жаждал ее.

– Шарлотта… – тихо произнес Пирс. Он секунду разглядывал ее поднятое к нему лицо, а потом поцеловал в щеку. Затем в нежную шею.

И хотя этого не требовалось – и даже не рекомендовалось! – крепко прижал девушку к себе и наклонился к ее губам.

Как давно, очень давно он не поступал настолько целомудренно только потому, что ему так хотелось. Разве Пирс не заслужил такую малость – держать прелестную, соблазнительную женщину в своих объятиях?

Это было нечестно по отношению к ней, но жизнь вообще штука бесчестная. Каждый со временем освоит этот урок. И для нее все в результате сложится гораздо лучше, чем для многих других. Она станет маркизой, богатой, с положением – все будет к ее услугам. Вряд ли ей удалось бы добиться большего, будь Шарлотта предоставлена самой себе.

Пирс подавил в себе чувство вины и приник к губам девушки.

У нее это был уже не первый поцелуй. Он это понял, хотя сомневался в том, что молодые люди, которые целовались с Шарлоттой, осознавали, что делают. Пирс испытывал по отношению к ним какой-то смутный, глупый гнев. И ему еще больше захотелось, чтобы его поцелуй оказался безупречным. Долгим и неторопливым, ласковым и глубоким, чтобы полностью стереть из ее памяти те, другие объятия.

Начиная с сегодняшнего дня, впредь, когда ей придет в голову думать о поцелуях, она будет вспоминать только о нем.

Пирс поймал тот момент, когда Шарлотта вновь стала воспринимать окружающий мир. Она напряженно застыла в его руках.

«Нет-нет-нет!»

Пирс еще крепче обнял ее. Он не даст ей уйти. Не сейчас!

И принялся покрывать Шарлотту легкими ласковыми поцелуями. Потерся губами о ее полные сладости губы, еще раз и еще… А потом снова.

Когда он оторвался от нее, рот у Шарлотты оказался припухшим и розовым. Таким, каким и должен быть.

Она удивленно посмотрела на него.

– Я… Мне вдруг показалось, что наш договор о взаимопонимании не очень хорошая идея.

– Я поговорю с твоей семьей и с сэром Верноном. Можешь не беспокоиться. Они согласятся.

– Милорд…

– Пирс, – поправил он ее. – С этого момента ты зовешь меня так.

– Хорошо, Пирс. – Шарлотта взглядом изучала его лицо. – Скажи, что ты за дипломат?

«Дорогая, если бы ты только знала! Ты бы развернулась и помчалась отсюда, только бы пятки сверкали».

– Я спецпосланник, – честно признался он. – Занимаюсь переговорами о капитуляции.

– Договор о взаимопонимании? – Вслед за дочерью миссис Хайвуд вошла в ее спальню. – Он был у тебя на крючке, а ты договорилась о каком-то взаимопонимании?

Шарлотта рухнула на кровать.

– Это мой выбор, мама.

– Час от часу не легче! Неужели я ничему тебя не научила? Зафиксируй сделку, если у тебя есть шанс.

Шарлотта накрыла голову подушкой. Она не хотела прямо сейчас вступать в спор с матерью. Ей хотелось побыть одной, чтобы перебрать в памяти каждую секунду их поцелуя и проанализировать все ощущения, возникшие в тот момент. Затем она поделит свои реакции на два вида: эмоциональные и физические.

Эмоциональных реакций будет раз в десять меньше, вне всякого сомнения. Дикое душевное волнение, которое он в ней вызвал, явно относилось к чему-то телесному, к желанию. Сердце не имело к этому никакого отношения.

По крайней мере Шарлотта надеялась на это. Но ей было бы намного спокойнее, если бы она получила хоть какое-то подтверждение.

Шарлотта слышала, как мать расхаживала по комнате.

– Безрассудная девчонка! Две недели! Ты знаешь, что это полмесяца?

– Да, мама. Я знаю, что это полмесяца.

– А вдруг он передумает? – запричитала миссис Хайвуд. – Ты предоставила ему все возможности выскользнуть из рук. Он может упаковать свои вещи и сбежать отсюда под покровом ночи.

Шарлотта отбросила подушку.

– Твоя вера в меня так воодушевляет, мамочка.

– Сейчас не время для дерзостей, которые ты называешь юмором. Лорд Гренвилл уже был обручен один раз, тебе ведь это известно. По его настоянию свадьбу отложили на восемь лет, и бедной девочке пришлось выйти замуж не за маркиза, а за его брата.

Да, Шарлотта слышала разговоры на этот счет.

– Эту помолвку устроили их семьи. Они тогда были слишком молоды, а повзрослев, передумали.

– Ты бы лучше надеялась на то, что в этот раз лорд Гренвилл не передумает. Если ему придет в голову отменить договор о «взаимопонимании», для тебя это обернется катастрофой. Это же твоя жизнь, Шарлотта.

– О, я знаю! – Она села на кровати. – Это исключительно твоя вина, мама, что я оказалась в такой опасности.

– Моя вина?

– Ты раздула этот скандал. Стала говорить, что лорд Гренвилл был обуреваем страстью.

– Может, я и раздувала скандал, но начала-то его ты. Это ты пряталась с лордом за шторами. – Она опустилась в кресло и с треском раскрыла веер. – Впервые хоть одна из дочерей дала мне повод для гордости. Я надеялась, что ты сумеешь завлечь какого-нибудь герцога здесь, на приеме. Вроде бы эта местность называется «Герцогства». Я была введена в заблуждение самым прискорбным образом.

– Местность действительно так называется. Но это не значит, что здесь оранжерея для герцогов. Ты думаешь, они растут на деревьях?

Мать только фыркнула.

– В любом случае маркиз тоже вовсе не плохой вариант. Ты очень умно заманила его.

– Даже не пыталась!

– Теперь, уж коли он у тебя в руках, не выпускай. Две оставшиеся недели ты должна вести себя наилучшим образом.

Стать образцом этикета.

Следить за осанкой. Никаких жаргонных словечек, никаких шуточек. Меньше говорить, больше улыбаться.

Шарлотта закатила глаза. Улыбайся больше или меньше – это не сделает ее идеальной избранницей для Пирса.

– Находи любую возможность оставаться с ним наедине. Садись рядом за обедами и ужинами и в гостиной. Проси его переворачивать тебе ноты, когда будешь играть на рояле. Нет, подожди! Не надо играть на рояле. Это его оттолкнет. – Она стукнула себя веером по бедру. – Говорила же тебе, что нужно больше заниматься музыкой.

– Мама, перестань! Если это наше «взаимопонимание» закончится помолвкой… – я уверена, что не закончится! – то совсем не из-за моих талантов или манер. Все дело в характере лорда Гренвилла. Мой шарм не произвел на него впечатления. Он угодил в ловушку из чувства приличия.

Мать шумно выдохнула.

– Маркиз – благородный человек, – сказала Шарлотта.

И удержалась, не добавив, что целуется он как опытный ловелас.

Это явно заставило миссис Хайвуд задуматься. Она встала и направилась к двери.

– На всякий случай опустим линию декольте на всех твоих платьях. Поговорю об этом с горничной миледи прямо сейчас.

– Нет! – Соскочив с кровати, Шарлотта преградила матери дорогу. – Мама, это невозможно. Ты не скажешь об этом ни единой душе.

– Но…

– Никому ни слова! Ни служанкам, ни леди Паркхерст. Ни соседям, ни в письмах, ни даже стенам.

– Я не говорю со стенами, – возмутилась миссис Хайвуд. – Во всяком случае, не часто.

Шарлотта прекрасно знала свою мать. Если за ней не следить, она станет делать намеки уже за ленчем. Попытается дать понять о случившемся за чаем. А ко времени, когда все соберутся за шерри после ужина, миссис Хайвуд уже будет хвастаться предстоящим браком и примется рассылать письма своим подругам.

И так будет продолжаться, если только ее не остановить сразу.

– Лорд Гренвилл просил соблюдать нашу договоренность в тайне, – продолжила Шарлотта. – Он важный человек и ценит приватность. Маркиз будет очень недоволен, если станет объектом для сплетен. – Тут у нее появилась идея. – Я не удивлюсь, если для нас это что-то вроде экзамена.

– Экзамена?

– Именно. Чтобы посмотреть, можно ли нам доверять. Если скажешь кому-нибудь хоть слово, он об этом узнает. И тогда, скорее всего, вообще прекратит с нами всякие отношения.

Ахнув, миссис Хайвуд прикусила костяшку пальца.

– О, не дай бог!

Шарлотта положила руки на плечи матери.

– Я знаю, что ты справишься. Иначе годы твоей поддержки, забот и надежд на то, что дочери удачно выйдут замуж… Все будет разрушено в один момент. Не

давай волю языку. Прикуси его. Отрежь, если потребуется. Все зависит от твоего умения хранить молчание.

– Да, но только…

Дочь взглядом остановила ее: «Молчи!»

Миссис Хайвуд поворчала, но потом поджала губы.

– Отлично! – Шарлотта одобрительно похлопала ее по плечу.

– Теперь иди к себе в спальню и отдохни. Мне нужно написать несколько писем.

Она проводила мать до двери и закрыла ее на защелку. Затем прислонилась к ней.

О господи! Кто знает, будет ли действовать ее предостережение две следующие недели? Необходимо найти тех любовников, и как можно скорее.

Шарлотта подошла к маленькому письменному столу, присела и окунула перо в чернила. Она не увиливала от разговора с матерью, ей действительно было необходимо написать письма.

Одно письмо, если быть точной.

Письмо той самой С.

Быстро набросав текст, Шарлотта облокотилась на спинку стула, чтобы еще раз обдумать ситуацию. Ей нужно разгадать загадку, и эта буква была первым, если не единственным, ключом к ней.

Глава 4

Наклонившись вперед, Пирс прищурил один глаз и прицелился.

Бильярд, как и многие другие виды спорта, давал прекрасную возможность тренировать себя в прикладной геометрии и физике. Если оборудование было стандартным, а поверхность стола идеальной, единственной переменной процесса игры становилось мастерство игрока.

Успех зависел от степени сосредоточенности. От умения фокусировать взгляд, глушить в себе чувства, не обращать внимания на эмоции и отбрасывать все человеческие слабости. И тогда тело игрока, его цель и желание приобретали решающее значение.

Быстрым движением он нанес удар кием, и белый биток врезался в красный шар. Вращаясь, оба разлетелись в разные стороны на зеленом сукне по отлично выверенным траекториям.

Большую часть своей жизни Пирс и с людьми обращался подобным образом. И не потому, что презирал их или кичился своей важностью. Нет, только потому, что эмоции могли легко увести его в сторону от основной цели. Отчужденность – самое главное, и не нужно бороться с самим собой.

Так продолжалось до этого дня. Пока он не встретил Шарлотту.

Она выбила его разум и тело из-под контроля. Пирс не мог прекратить думать о ней. Он не переставая желал насладиться ее сладостью. Тем, как ее тело прижимается к нему. Шарлотта с легкостью преодолела все выстроенные им защитные барьеры, буквально проникла под кожу.

Да, она молода. Но Пирс научился быстро оценивать людей, поэтому сразу понял, что Шарлотта Хайвуд представляет собой нечто более ценное, чем кажется. Она была честным человеком, что требует уверенности в себе, а также глубокого понимания самой себя и окружающих.

Черт, это было опасно! Но, возможно, такой опасности он и желал. Шарлотта заставила его кровь быстрее бежать по жилам, а разум быть настороже. Точно так же он чувствовал себя на войне, выполняя самые опасные задания.

Тот их поцелуй словно оживил Пирса.

– Ох ты!

Что-то длинное и острое ткнуло его в ягодицу, а затем в бок.

Позади, между ним и дверью, стоял Эдмунд Паркхерст, выставив перед собой бильярдный кий. Злобно насупившись, он метил в точку прямо под нижним ребром маркиза, совсем как маленький каннибал, готовящийся метнуть копье в свою жертву.

– Я знаю, – грозно, насколько это может получиться у восьмилетнего ребенка, произнес Эдмунд. – Я знаю, что ты делал в библиотеке.

О, дьявол! Только не это!

– Эдмунд, ты ошибаешься. Я друг твоего отца. Никто даже не пытался сделать что-нибудь плохое. Мы ведь уже говорили об этом.

– Убийство! – Удар. – Убийство! – Еще удар. – Убийство!

Пирс швырнул кий на стол. Где родители этого юного создания? Где няньки? Где учителя? У него есть хобби, игрушки, домашние животные?

– Я не убийца, – решительно заявил лорд Гренвилл.

И он действительно не был убийцей. В юридическом смысле. Подобные этические кульбиты используются для того, чтобы вывести из-под ответственности солдат и палачей за выполнение ими своих кровавых обязанностей. Перед божественным судом Пирс не чувствовал бы себя настолько уверенным, но… Жизнь после смерти покажет.

– Я знаю, что ты сделал. Ты заплатишь. – Мальчишка поднял вверх кий и принялся размахивать им как палашом.

Гренвилл увернулся от удара, укрывшись за столом.

– Эдмунд, успокойся!

Он мог бы с легкостью его обезоружить, но с той же легкостью представлял, какая сцена разразится, если вдруг в процессе пострадает хотя бы мизинчик Эдмунда. Маленький негодяй помчится по коридору и будет визжать во всю глотку не только «убийство!», но и «помогите!», а может, еще и «мучитель!». И прибавит на всякий случай: «Он отказывается платить налоги!».

Вслед за Пирсом мальчишка обежал бильярдный стол, продолжая размахивать кием, на этот раз более агрессивно. Когда Гренвилл пригнулся, удар пришелся по чучелу фазана, закрепленному на жердочке на стене, и сбил его на пол. Пирсу даже показалось, что фазан пронзительно вскрикнул. В воздух взлетело облако перьев, которые заполнили комнату, а потом мягко легли им на плечи, как первый снег.

Выражение лица Эдмунда резко изменилось – от сожаления при виде распотрошенного охотничьего трофея отца и предчувствия последующего наказания до… настоящей, сосредоточенной злобы.

Мальчишка опустил кий на манер копья, сгорбился и кинулся на Пирса с новой силой.

– У-бий-ство!

Все, решил Гренвилл, с него достаточно.

Схватившись одной рукой за кий, он на полном ходу остановил Эдмунда. И заговорил тихо и сурово:

– Послушай, ты. Биться на бильярдных киях – так джентльмены не решают споры. Твой отец будет страшно недоволен тем, как ты себя ведешь. Я тоже теряю терпение. Прекрати это. Немедленно!

Они пристально разглядывали друг друга.

Пирс отпустил кий.

– Отправляйся к себе в комнату, Эдмунд.

Последовала долгая пауза.

Затем мальчишка изо всех сил ткнул его кием в пах и нырнул под бильярдный стол, оставив задохнувшегося от боли Пирса хватать ртом воздух.

– Ах ты, маленькая дрянь! – Сложившись вдвое, он заколотил кулаками по зеленому сукну стола.

Все, хватит! Сегодня Эдмунд Паркхерст получит свой урок.

– Можно я опущу эту штуку? – напряженно спросила Шарлотта. – Боюсь, меня сейчас сведет судорога.

Делия даже не подняла головы от своего блокнота.

– Еще пару минут. Мне нужно закончить набросок складок на твоей тоге.

Шарлотта постаралась не обращать внимания на приступ боли в руках.

– Интересно, где ты видела, чтобы греческая богиня держала серебряный чайный поднос?

– Нигде. Вместо подноса на картине будет лира.

В мире существовало совсем немного людей, ради которых Шарлотта могла согласиться простоять несколько часов задрапированной в простыню, с подносом в руках, который с каждый минутой становился все тяжелее и тяжелее. Делия Паркхерст была одной из них.

После того как «Пратлер» ославил Шарлотту на весь свет, она отказалась от мысли целиком заполнять свою карточку для танцев. Однако унывать было не в ее характере. Отвергнутая джентльменами, Шарлотта огляделась по сторонам, чтобы найти новых подруг.

И нашла Делию.

Делия Паркхерст была доброй, остроумной и так же подпирала стены на балах, как и Шарлотта. От рождения одно бедро у нее располагалось не совсем правильно. Они устраивались в уголке и принимались шутить над собравшимися, в основном над мужчинами, потом складывали свои неиспользованные карточки для танцев в виде корабликов и запускали в чаше для пунша.

Так продолжалось до тех пор, пока подруги не нашли для себя более интересное занятие.

Подготовка побега.

– На следующий год мы будем за тысячу миль отсюда, – сказала Делия. – Далеко от наших семей и еще дальше от тех, кто читает лондонские скандальные журналы. Я буду делать зарисовки мраморных статуй эпохи Возрождения, а ты – обследовать храмы и гробницы. А вечера мы будем проводить в окружении графов и кавалеров. И больше никаких чайных подносов.

Шарлотта почувствовала себя виноватой. После той сцены в библиотеке их план насчет поездки в Европу оказался под угрозой, а Делия еще ничего не знала об этом.

Она страдала от того, что придется расстроить подругу.

Делия отложила карандаш.

– На сегодня все.

Опустив поднос, Шарлотта развернула на себе простыню и помассировала затекшие руки и ноги.

– Давай поговорим о нашей поездке, – предложила подруга.

– О нет. Не сейчас.

«Ни за что, пока твой отец думает, будто я задрала юбки перед маркизом в библиотеке».

– Почему нет?

Шарлотта постаралась ответить уклончиво:

– У меня еще не было времени убедить твоих родителей, что мне можно доверять. Труднее всего это будет сделать с твоей сестрой. Френсис смотрит на меня так, словно я веду тебя по наклонной дорожке прямиком в руки какого-нибудь распутника.

– Френсис очень заботлива и слишком много внимания обращает на сплетни. Хорошо хоть, нет старшего брата, некому будет возражать. Эдмунд не в счет, его легко переубедить.

«Я бы не была в этом так уверена», – подумала Шарлотта.

– Что тебя останавливает? Лорд Гренвилл?

Вопрос поразил ее.

– С чего ты взяла?

Делия пожала плечами.

– Ты ушла из бального зала сразу, как только он появился, и я знаю, что думает твоя мать. Но я бы не стала беспокоиться насчет ее уловок по поводу маркиза. Он с таким же успехом мог бы находиться на луне, человек просто вне досягаемости.

Шарлотта тоже так считала, пока не оказалась не только в непосредственной близости от него, но еще и в его объятиях. От воспоминаний по спине побежали мурашки.

Она села рядом с Делией и взяла ее за руку.

– Мне нужно кое-что рассказать тебе. Меня очень беспокоит, как ты это воспримешь.

– Шарлотта, ты моя самая близкая подруга, поэтому можешь довериться мне.

У нее комок подступил к горлу. Останется ли она лучшей подругой Делии после того, как расскажет ей правду?

Где-то в коридоре послышался тихий стук. Это привлекло их внимание. Следом грохот. Они вскочили. Потом выбежали из гостиной и помчались в главный холл на звон бьющегося фарфора. Там увидели Эдмунда, стоявшего с виноватым видом над разбитой вазой.

Компанию ему составлял не кто иной, как лорд Гренвилл.

У обоих в руках были бильярдные кии.

Леди Паркхерст торопливо спустилась к ним по лестнице. Чепец у нее съехал набок, она слегка запыхалась. Вид у хозяйки дома был такой, словно грохот вырвал ее из дремоты.

– Какая нелегкая… – Она быстро окинула взглядом присутствующих. – Эдмунд, хотелось бы узнать, что ты тут…

– Прошу прощения, леди Паркхерст, – поклонился Пирс. – Это моя вина. Я тут показывал Эдмунду кое-какие приемы фехтования.

– Фехтования? На бильярдных киях?

– Да. Боюсь, мы несколько увлеклись. Эдмунд учится очень быстро. Это я, отбивая его выпад, сбил вазу. – Взгляд Гренвилла упал на еще одну груду осколков в углу. – И купидона.

– И фазана в биллиардной, – подхватил мальчишка. – Тоже он.

Пирс откашлялся.

– Да, все это моих рук дело. Надеюсь, вы простите меня за неуклюжесть.

Шарлотта скрыла улыбку. Неуклюжесть? Из опыта общения с маркизом в библиотеке она поняла, что он обладает отменными рефлексами и полностью контролирует силу своего тела. Пирс просто брал вину мальчишки на себя. Точно так же как взял на себя ее вину.

– Разумеется, мы восстановим разбитые вещи.

– О, пожалуйста, не надо! – взмолилась Делия. – Они были чудовищны.

– Делия! – одернула дочь леди Паркхерст.

– Но ведь это так.

Мать бросила на нее предостерегающий взгляд.

– Я пришлю служанку, чтобы все здесь убрать. Будь добра, отведи своего брата наверх.

Положив Эдмунду руки на плечи, Делия подтолкнула его к лестнице. Мальчишка в знак протеста едва переставлял ноги. Дойдя до верхней ступеньки, он обернулся через плечо и прошипел Пирсу:

– Это еще не конец. Я глаз с вас не спущу.

Делия посмотрела на маркиза.

– Что бы это значило?

– Понятия не имею.

Опустившись в углу на колени, Шарлотта принялась собирать осколки разбитой статуи купидона. Она пострадала не так серьезно, как ваза. Вполне возможно, что восстановить ее будет нетрудно.

Пирс присоединился к девушке. Нагнувшись, он подобрал гипсовое основание и водрузил его на пьедестал.

– Вам не стоит этим заниматься, – тихо сказала она.

– Почему?

– Потому что вы маркиз. Маркизам не полагается собирать осколки.

– Почему нет? Если я устроил разгром, я его и уберу. Так справедливо.

Шарлотте подвернулись стопы купидона, которые она установила на основании.

– Вы сами в это не верите. Эдмунд должен был бы сейчас собирать из кусков разбитую штуковину. Это явно он натворил.

– Не совсем так. – Пирс приладил к стопам гипсовые лодыжки. – Спарринг предполагает двоих участников.

Шарлотта протянула ему следующий кусок статуи – пару белых коленей вместе с пухлыми бедрами. Он взял его и при этом кончиками пальцев коснулся тыльной стороны ее руки. Это мимолетное прикосновение подействовало на нее как удар током.

Шарлотта опустила взгляд. Нашла следующий кусок – круглые ягодицы, – подняла и водрузила на верх реконструкции. Руки у нее, должно быть, дрожали. Ведь что бы она ни делала, кусок гипса отказывался вставать на место.

– Наверное, здесь не хватает еще какой-то детали, – сказала девушка. – У меня не получается приладить эту.

– Позвольте. – Пирс взялся за дело сам и сразу установил очередной фрагмент как надо. – Думаю, это следовало сделать таким образом.

О господи! Она, оказывается, держала ягодицы вверх тормашками и тупо пыталась пристроить. Смутившись, Шарлотта наклонила голову.

– И мне кажется, что следующая часть лежит вон там, за вашим коленом.

Она слишком торопливо схватилась за нее и тут же уронила, порезавшись об острый край. На пальце выступила капля крови.

– Вы поранились, – заметил Пирс.

– Не страшно.

Но он уже взял ее за руку. После быстрого осмотра сунул окровавленный палец себе в рот, немного пососал, и боль прошла. Его действия оказались эффективными, и в них не было ничего порочного, но Шарлотта все равно не могла произнести ни слова.

Затем Пирс прижал ранку своим большим пальцем. Его взгляд не отрывался от ее лица. Сердце у Шарлотты колотилось так, словно решило сделать все, чтобы кровь из пальца текла и дальше, будто ему хотелось продлить этот момент.

– Милорд…

– Пирс, – поправил он ее.

– Пирс. – Она посмотрела в сторону коридора в поисках спасения. – Вот-вот появится служанка. Мы ползаем по полу, держимся за руки, вокруг куски гипса. Ни к чему, чтобы нас вот так застали.

– Наоборот: все как нельзя лучше. Ведь меньше чем через две недели мы объявим о помолвке.

– Я как раз об этом. Мы о ней не объявим.

Маркиз вскинул брови.

– Вы забыли о том, что случилось пару дней назад?

– Нет.

Шарлотта не забыла его легкую улыбку. Не забыла сильные руки, которые обнимали ее. И конечно, тот обжигающий, страстный поцелуй.

Она убрала свою руку.

– То, что случилось в библиотеке, только моя вина. Мне не хотелось бы вовлекать вас во все это.

– Я не мог позволить вам остаться одной. Для спарринга требуются двое.

У Шарлотты стало тепло на душе. Пирс пытался быть с ней честным, и ей это нравилось. Он даже не мог представить себе насколько. И тем решительнее ей хотелось быть такой же честной по отношению к нему.

– Я устроила эту путаницу, я с ней и разберусь. – Набравшись мужества, Шарлотта улыбнулась ему. – У меня есть план.

Глава 5

У нее, видите ли, есть план!

Пирс обратил внимание на те страстные заявления, которые она сделала в следующей последовательности:

«Не тревожьтесь. Я пришла спасти вас. У меня есть план».

Шарлотта Хайвуд держала свое обещание. Но до нее, судя по всему, все еще не дошло, что это он может выступить в роли спасителя, а не наоборот.

Пирс пока не пришел к окончательному выводу: она настолько бестолкова или так очаровательно безумна.

Решив, что складывать разбитую статую из кусков дело бессмысленное, он помог Шарлотте встать.

– У вас есть план?

– Да. – Тревожно оглядевшись по сторонам, она понизила голос. – Я собираюсь найти любовников. Тех, которые действительно устроили свидание той ночью. Как только я предъявлю свои доказательства матери и сэру Вернону, нам вообще не потребуется вступать в брак.

Так в этом и заключается гениальная идея? В данном плане имелось столько изъянов, что Пирс не знал, с какого из них начать.

Услышав приближающиеся шаги служанки, он увлек Шарлотту в пустой музыкальный салон, чтобы побеседовать там в спокойной обстановке.

– Знаете, у меня отлично получается вести расследования. – Она проскользнула в открытую дверь. – Когда мою сестру Диану обвинили в воровстве вещей из меблированных комнат, я почти разгадала тайну.

– Почти…

– Да, я узнала, кем была та личность. Меня только удивил ее сообщник.

Упоминание о каком-то почти удавшемся расследовании не показалось Пирсу интересным. Сейчас он наблюдал за Шарлоттой, стоявшей в лучах солнечного света, проникающих из огромных окон и отражающихся в зеркальных панелях стен. Золотистый свет подчеркивал изящество ее профиля и переливался на мягких выбившихся кудряшках.

Господи, только послушайте его! Золотой свет, мягкие кудряшки! Скоро, глядишь, стишки писать начнет.

Это не страстная влюбленность, нет. Не может быть. Он просто увлекся изучением деталей, вот и все. Деликатная информация. Государственные тайны. Выбившиеся из прически локоны. Все вполне рационально и имеет свой смысл.

– Все очень просто, – продолжала Шарлотта. – Кто-то – и их было двое! – устроил пылкое свидание в библиотеке. Нам известно, что это были не мы. Теперь нужно узнать кто, а потом заставить признаться.

Пирс скептически посмотрел на нее.

– Кто бы ни устроил то пылкое свидание, им не захочется, чтобы их рассекретили. И тем более заставили признаться.

– Тогда нам нужно как-то принудить их к этому. Или застать во время очередной встречи. – Шарлотта пренебрежительно отмахнулась. – У нас впереди две недели, и я готова приступать. Прежде всего нужно узнать, кто они.

– Это невозможно.

– Очень даже возможно.

– Мы прятались за шторами. И абсолютно ничего не видели.

– Да, но у нас имеются свидетельства другого рода. Для начала, мы слышали их. И если не голоса, то по крайней мере… – Она поморщилась. – … Звуки, которые они издавали.

О господи! Прямо перед ленчем не стоило напоминать об этом.

– Не уверен, что хрюканье и визги могут что-то нам подсказать.

– Зато мы можем быть уверены, что там были мужчина и женщина, а не две женщины или двое мужчин.

Пирс не нашелся что ответить.

– Предполагалось, что я не имею понятия о существовании таких пар? – осведомилась Шарлотта. – Определенные части тела купидона не в счет. Вспомните мои слова тем вечером: я невинна, но не невежественна.

Он одобрительно махнул рукой.

– В любом случае продолжайте.

А юная мисс полна сюрпризов. Гренвилл уже не мог дождаться, чем она еще удивит его.

– Мы чувствовали запах духов, – с готовностью подхватила Шарлотта. – Весьма специфический запах. Уверена, что узнаю его, если случится столкнуться с его обладательницей еще раз.

– Учитывая, что леди не станет пользоваться подобными духами, нанося визиты или отправляясь в церковь, – вряд ли.

– Согласна. Теперь переходим к самой важной улике. К подвязке.

– Ну и что, просто подвязка. Из этого немногое выжмешь.

– Значит, у вас небольшой опыт обращения с подвязками.

– Не сказал бы. Правда, надо признаться, я их никогда не носил.

Шарлотта засмеялась.

– Для начала, она алая. Это не только весьма чувственный цвет, но еще и непрактичный. Лента шелковая, то есть дорогая. Значит, любовники не могли быть слугами. По крайней мере оба. Если служанка была вместе с джентльменом, тогда подвязка может являться подарком. Кроме того, она довольно большого размера, я примеряла ее на себя. Это дало мне кое-какую информацию о телосложении женщины.

– Неужели? – спросил Пирс с отрешенным видом.

Он вдруг представил, как Шарлотта поднимает юбки и повязывает алую ленту на гладкую белую кожу бедра.

– Так и есть. И мы пока не обсудили самое интересное. На подвязке вышита буква «эс». – Еще раз настороженно оглянувшись по сторонам, она вытащила из кармана листок бумаги и развернула его. – Я составила список всех, кто находился в особняке в ту ночь. Здесь члены семьи, гости и слуги.

– Как вам это удалось? По памяти?

– Не совсем. Имена слуг и членов семьи мне уже были известны. А что касается гостей, то сегодня рано утром мне удалось проникнуть в будуар леди Паркхерст, и там я нашла и скопировала список разосланных приглашений. Из него я выбрала дам, у которых имена или титулы начинались на «эс». За исключением меня, естественно.

Пирс встрепенулся и внимательно посмотрел на нее.

– Пожалуйста, не осуждайте меня. Понимаю, я поступила плохо, но мне хочется быть полезной. На кону наше будущее.

Это было не осуждение, а удивление. Гренвилл давно понял, что девушка умна, но не предполагал, что ее способность к дедукции окажется настолько острой.

– Как только определился круг подозреваемых, – продолжала она, – вычислить ту женщину уже намного проще. А потом она приведет нас к своему мужчине. При удачном стечении обстоятельств я узнаю имена таинственных любовников в течение нескольких дней.

– Откуда вам известно, что они таинственные любовники?

Шарлотта помолчала.

– Что вы хотите этим сказать?

– Слово «любовники» предполагает наличие неких чувств. А там были только похотливые игры, а потом… – Он отсеял несколько вариантов, прежде чем подобрал наименее грубый термин: – … случка.

– Какая разница?

Действительно, какая?

– Безнравственный мужчина мог бы принять это как предложение, чтобы продемонстрировать разницу.

– К счастью, вы мужчина нравственный.

Она не могла быть более не права в этом вопросе.

– Достаточно сказать, что свидание, при котором мы присутствовали, относилось к категории случек. В нем не было… изящества, что ли.

– Возможно, вам не хватает воображения.

Забавно! Пирс покачал головой. Как раз с воображением у него все в порядке.

Именно в этот момент ему живо представилось, как он прижимает Шарлотту к зеркальной стене. И наблюдает, как свет падает на ее ресницы, играет у нее на губах. Пирс не торопясь целует ее, погружая в туман страсти. А потом – только после того, как она начнет умолять о чем-то большем! – поднимает муслиновые юбки и опускается перед ней на колени, чтобы насладиться ее сладостью. Медленно, не обращая внимания на время. Доставляя ей наслаждение еще и еще, раз за разом.

И потом снова.

Вот что значит заниматься любовью, хотел он сказать ей.

Пирс мысленно встряхнулся: «Достаточно! Подождем до свадьбы». В его поместье найдется зеркало или два, а может, и несколько сотен.

Его поместье – вот самое подходящее место для нее. Как только они поженятся, он уложит Шарлотту в постель, а потом увезет из города; лишь после этого ему удастся взять себя в руки.

– Можете называть их как вам угодно, – заявила она. – Я предпочитаю считать их любовниками. И собираюсь найти.

– Вы ведь не можете бродить по всему Ноттингемширу и с умным видом разгадывать загадки. Это не только неприлично, но и поздно. Мы обо всем договорились.

– Мы, может быть, и достигли договоренности, но время пока есть. Еще не поздно найти любовников, и для нас пока ничего не потеряно. – Во взгляде ее голубых глаз было столько искренности. – Я хочу выйти замуж по любви. И, смею надеяться, вам хочется того же самого. Вы ведь человек добрый, благородный.

Очаровательное невинное создание! Она не понимает, что говорит. У нее, конечно, острый ум, но он никогда не позволит ей узнать правду о нем. Добрый? Благородный? Вовсе нет. Скорее жестокий, дорогуша. Лживый, хладнокровный, бессердечный. Даже хуже того!

– Шарлотта, я…

– Вы отказываетесь любить, я знаю. Вы думаете, что любовь каким-то образом сделает вас слабее, но это не так. Совсем не так! Любовь к хорошему человеку делает людей сильнее. Это лучше, чем если бы они существовали порознь. Я видела такое своими глазами. Именно поэтому я хочу разгадать загадку. Мы оба заслуживаем большего, чем вынужденная любовная афера, основанная на полуправде.

– Наш брак не будет основан на полуправде, – возразил Пирс. – Мы женимся потому, что я тайком завлек вас в объятия на диванчике под окном. Уже одно это бесчестно само по себе.

– Только если придираться к словам.

– Увы, только это и имеет значение.

Ему очень не понравилась идея Шарлотты ходить повсюду, принюхиваясь к дамам и оценивая размеры их бедер, однако у этого имелся свой плюс. Занявшись поисками, она не станет задавать ему ненужных вопросов о нем самом.

И все равно это был безрассудный план, который в любой момент мог обернуться какой-нибудь неприятностью.

– Я не могу поддержать ваш план, – признался Пирс. – И уж конечно, не ждите от меня помощи.

– Никогда на это не рассчитывала. – Шарлотта бросила на него кокетливый взгляд. – Осмелюсь заметить, вы много потеряете. Мне кажется, пережить небольшое приключение вам совсем не помешало бы.

«О, Шарлотта! Ты даже не понимаешь…»

– Ответьте мне на такой вопрос, – обратился к ней Гренвилл. – Когда вы не найдете их…

Она обиженно посмотрела на него.

Пирс поправился:

– Если вам вдруг не удастся найти эту таинственную пару до конца пребывания здесь, что тогда?

Ее взгляд устремился в пространство.

– Я совсем не глупа.

Нет, конечно, подумал он. Она не глупа. Далеко не глупа, это факт. Шарлотта Хайвуд умная, упрямая и – что ему все больше и больше нравилось – обладает опасной проницательностью.

Но в то же время это качество и беспокоило Пирса сильнее всего.

Сразу после ленча миссис Хайвуд вызвала дочь к себе. Шарлотта отложила визит к ней сначала на час. Потом на два. А затем, поняв, что все равно никуда не деться, решила покончить с этим.

В коридоре на пути к материнским комнатам ее остановила Френсис Паркхерст.

– Можно вас на одно слово, мисс Хайвуд?

Отказаться не было возможности.

Френсис заговорила, понизив голос:

– Мне нужно, чтобы вы уяснили: я забочусь исключительно о своей сестре.

– Я тоже забочусь о Делии. Она моя самая близкая подруга.

Френсис подозрительно посмотрела на нее.

– Правда? Сегодня утром я подумала, что вашим ближайшим другом стал лорд Гренвилл. В музыкальном салоне.

– Вы за нами шпионили?

– Мне это было ни к чему. Двери в салон оставались открытыми.

– В таком случае вам должно быть известно, что мы просто разговаривали.

«Мы просто разговаривали». Сколько раз она повторяла эти слова за последние дни? Шарлотта забеспокоилась: не оттого, что часто повторяла их, а оттого, что ей никто не верил.

– Вы не получите его, – продолжала Френсис. – Вы лишь поставите маркиза и себя в неловкое положение, если так и будете гоняться за ним.

Какая наглость! Шарлотта стиснула кулаки.

«Она думает, что этим защищает Делию, – напомнила себе Шарлотта. – Ее нельзя винить. О тебе ей известно лишь из бульварных журналов».

– Я не гоняюсь за лордом Гренвиллом, – заметила она.

– Ох, ради бога! Вы считаете, я не понимаю, что на уме у вас и вашей загребущей матушки? Должна сказать, что ваши надежды на выгодную партию смехотворны. Вы бездарны. В родословной нет ничего, чем можно гордиться. И в довершение ко всему, в вас нет ни капельки стыда. Как только Лондон увидел ваше настоящее лицо, вы прилипли к моей сестре.

– Вы остановили меня, чтобы оскорбить? – холодно осведомилась Шарлотта. – Знаете, как бы это ни было мило с вашей стороны, у меня все-таки есть другие дела.

– Я остановила вас, чтобы предупредить: я не позволю вам пользоваться добротой Делии и ее отчаянным положением.

– Отчаянным положением? – Теперь Шарлотта разозлилась по-настоящему. – Делия не отчаивается ни по какому поводу. За исключением, возможно, одного: не может держать вас на расстоянии.

– Она беззащитна и слишком доверчива.

– Делия взрослый человек и в состоянии самостоятельно выбирать подруг. Надеюсь, она никогда не узнает, насколько низко вы оцениваете ее умственные способности.

Черные глаза Френсис прищурились.

– Попробуйте обидеть мою сестру, и увидите: я уничтожу вас. Не только в Лондоне, но и по всей Англии каждая приличная семья узнает, кто вы такая на самом деле.

После этих слов она развернулась и удалилась, оставив Шарлотту кипеть от злости.

Ничто другое не могло более красноречиво рассказать о Френсис Паркхерст, чем то, что после нескольких минут общения с ней Шарлотте безумно захотелось увидеть мать.

Она постучала в дверь ее комнаты.

– Ты просила зайти, мама?

– Да, проходи. И сядь рядом.

Миссис Хайвуд заговорила нехарактерным для нее ласковым тоном. Шарлотта была озадачена, но не стала возражать. Сейчас ей необходимо было немного душевного тепла.

Она подошла к кровати и села рядом с матерью.

– Моя дорогая девочка, настал момент, когда нам следует поговорить о смысле брака.

– Мы уже обсуждали смысл брака. Я не помню ни единого дня, после того как мне исполнилось тринадцать, чтобы ты не говорила о важности этого общественного института.

– Тогда сегодня ничего нового ты не услышишь. – Миссис Хайвуд подняла брови. – Удачное замужество – самая главная цель в жизни женщины. Выбор мужа определяет ее будущее счастье.

Шарлотта решила промолчать. Она в это не верила. Наверняка какие-то женщины живут полной жизнью, вообще не выходя замуж. А среди замужних счастье было драгоценностью с множеством граней. Кому-то оно могло принести радость всей жизни, но для кого-то неменьшим счастьем становилась дружба, приключения, интеллектуальные занятия.

Мать вышла замуж в семнадцать. В двадцать четыре стала вдовой, и больше ничего в жизни не видела. Ощущение безопасности и домашнего уюта умерло для нее вместе с мужем. В результате она превратилась в человека беспокойного и рассеянного. А теперь еще стала предметом насмешек.

Шарлотта решила для себя, что никогда не будет такой. И не важно, что мать говорит про замужество, она никогда не решится на него, пока не созреет для этого. А главное, будет следовать только велению своего сердца.

– Муж и жена должны полностью подходить друг другу, – тем временем продолжала миссис Хайвуд.

– Мамочка, я полностью с тобой согласна. Не трать время на пустые разговоры.

– Это не пустые разговоры, дорогая. Я говорю о замужестве и что оно означает по сути. Это союз, и не только сердец и разума, но и… – Ее губы изогнулись. – Но и тел.

– О!

Так значит, речь пойдет об этом. А она-то подумала, что ничего более тоскливого, чем рассуждения Френсис, не существует.

– Ты можешь заметить, – продолжала мать, глядя куда угодно, только не на Шарлотту, – что в животном мире разница между женским и мужским полом определяется различиями в их детородных органах.

«Нет-нет-нет!»

Этого нельзя допустить. Шарлотта в отчаянии оглядела комнату – куда бы спрятаться?

– Мама, давай не будем говорить на эту тему.

– Это мой материнский долг.

– Согласна, но только не сейчас.

– Более удобного времени может не представиться.

– Я читала об этом в книгах. У меня замужние сестры. Мне уже кое-что известно о сно…

– Шарлотта! – Миссис Хайвуд остановила ее, выставив ладонь. – Придержи язык, и давай сразу покончим с этим.

Шарлотта, расстроившись, сложила руки на коленях и приготовилась слушать, что последует дальше.

– Видишь ли, у мужчин… как это там… весьма отличается от женского… – Мать помахала рукой, помогая себе. – … Этого самого. И в супружеской постели ему захочется поместить это… – Она опять помахала рукой. – … В твою.

– То есть «как это там» войдет в «это самое».

– В общем, да. А потом…

– А потом исполнение супружеского долга, небольшое неудобство. Ляг на спину и думай об Англии. Я все поняла. Спасибо, мамочка.

Она попыталась встать с кровати и уйти, но миссис Хайвуд снова усадила ее.

– Сиди спокойно!

Шарлотта затихла. Несчастная и молчаливая.

– Я подумала, что обсуждать эту тему будет нелегко, поэтому подобрала кое-какие предметы для иллюстрации. – Мать взяла в руки корзинку, накрытую салфеткой. – Так вот. Ты, наверное, принимая ванну, случайно обратила внимание, что у тебя между ног есть что-то вроде расщелины.

Шарлотта прикусила язык.

Да неужели? И как ей только удалось за двадцать лет существования обратить внимание на такую незначительную особенность?

Впрочем, где-нибудь, может, и есть такая особа, которая не удосужилась познакомиться со своей анатомией ниже пупка. Но кем бы ни была эта бедняжка, Шарлотте вряд ли захотелось бы, чтобы она стала ее подругой.

– Примерно вот такое. – Мать достала из корзинки округлый предмет.

Шарлотта удивилась.

– Это же персик.

– Да. Женские интимные части напоминают персик.

– Почему персик? Почему не орхидея, или роза, или какой-нибудь другой цветок?

Мать неожиданно ощетинилась.

– У персика есть похожая складка. И он того же цвета. И… покрыт пушком.

– Но сходство же неполное, разве не так? В смысле, это просто поэтическое сравнение, потому что, если разрезать кочан капусты пополам, то и там можно найти подходящее…

– Шарлотта, пожалуйста, позволь мне продолжить!

Ей меньше всего хотелось, чтобы мать продолжала. Меньше всего в мире! Вне всякого сомнения, лучше быть выпоротой на деревенской площади, чем выслушивать все это.

Лучше смерть!

Она обхватила себя за плечи, а миссис Хайвуд опять полезла в корзинку.

– Теперь про джентльмена. Очень важно, чтобы ты не испугалась, когда наступит определенный момент. В спокойном положении мужской…

– «Как это там», – подсказала Шарлотта.

– … имеет невзрачный вид, – не останавливалась мать. – Однако в возбужденном состоянии он может выглядеть примерно вот так.

Из-под квадратной полотняной салфетки она достала овощ. Длинный, слегка изогнутый, покрытый глянцевой темно-фиолетовой кожицей.

Шарлотта в ужасе открыла рот.

Не может быть!

Нет, может!

– Баклажан?

– Огурец подошел бы больше, но на кухне его не оказалось.

– Понятно, – ошеломленно произнесла она.

– Вот и хорошо. – Миссис Хайвуд положила свое наглядное пособие на одеяло. – Теперь можешь задавать вопросы.

Вопросы? Ей еще полагается задавать вопросы? На языке вертелся только один: «Что такого я натворила в жизни, раз заслужила это, и не слишком ли поздно для раскаяния?»

Шарлотта закрыла лицо руками. Ей показалось, что она попала в ночной кошмар. Или на отвратительный спектакль. На трагикомедию под названием «Персик и баклажан», которая состояла из одного, но бесконечного действия.

К счастью, у нее было достаточно подруг, Шарлотта прочитала множество романов и обладала здравым смыслом, чтобы уже несколько лет назад понять, что мужчин и женщин соединяет еще и постель. Но если она будет вынуждена выслушивать все это…

Пришлось заключить с собой сделку. Если мать заставляет ее слушать все эти бредни, ей за это придется расплатиться. Существовал единственный способ отомстить. Отнестись к этому серьезно.

Шарлотта подняла голову, приняла торжественный вид и, широко открыв невинные глаза, пальчиком дотронулась до баклажана.

– Это реальный размер?

– Не у каждого джентльмена. У некоторых – меньше. Вообще-то иногда бывает и больше.

– Но, надеюсь, не такие фиолетовые? – Она взяла в руки оба предмета и попыталась соединить их, потом недоуменно нахмурилась. – Каким же образом баклажан окажется внутри персика?

Лицо матери искривилось.

– Персик выделяет нектар, чтобы облегчить баклажану доступ.

– Нектар? Какая прелесть!

– Если джентльмен умело обращается со своим баклажаном, все пройдет не очень болезненно.

– А умелая леди? Разве жене не нужно знать, как сделать приятное владельцу баклажана?

Несколько мгновений миссис Хайвуд не знала, что сказать.

– Джентльменам… Некоторые джентльмены хотят, чтобы… э… им погладили баклажан.

– Погладили? Как погладили? Как котенка? – Положив овощ на ладонь, она кончиком пальца осторожно провела по глянцевой кожице. – Или как приглаживают волосы щеткой. – Резко усилила движение.

Миссис Хайвуд едва не вскрикнула.

– Возьми. – Шарлотта вложила баклажан в руки матери. – Почему бы тебе самой не показать, как это делается?

Лицо миссис Хайвуд побагровело, она запаниковала, и Шарлотта, не удержавшись, звонко расхохоталась, рухнув на кровать. Потом натянула на себя покрывало, чтобы уберечься от ударов баклажаном по голове, которыми награждала ее мать.

– Шарлотта! – Миссис Хайвуд запустила в нее персиком, когда дочь уже подскочила к двери. – И что мне с тобой делать?

– Просто больше никогда не заводи со мной разговор о баклажанах и персиках.

Глава 6

Оглядев себя в зеркале, Пирс промыл бритву в раковине и вытер остатки пены с подбородка.

При необходимости Ридли мог прийти, чтобы помочь ему одеться к ужину. В конце концов, тот числился у него камердинером, и Пирсу, возможно, имело смысл намного чаще использовать его в этом качестве. Хотя бы для вида. Однако за первые годы службы он уже привык бриться самостоятельно. Ему совсем не нравилась мысль, что кто-то посторонний подступится к его горлу с лезвием.

Даже сейчас, будучи опытным агентом, Пирс предпочитал бриться сам. И дело не в том, что он не мог доверить Ридли свою жизнь. Просто ему казалось, что тот не способен побрить его со всей тщательностью.

Когда Гренвилл надел сорочку и принялся застегивать манжеты, какое-то движение привлекло его внимание. Он замер, вглядываясь в отражение окна в зеркале.

Там что-то было. Или кто-то.

Это ветка, сказал себе Пирс. Возможно, вспорхнула какая-нибудь птица или летучая мышь.

На всякий случай Гренвилл постарался ни единым движением не выдать своего беспокойства: продолжая застегивать манжеты, не спускал глаз с отражения в зеркале.

Послышался тихий звук, как будто кто-то скребся.

Дыхание у него оставалось ровным. Между вдохом и выдохом Пирс успел прикинуть, какие предметы в комнате можно использовать в качестве оружия. Во-первых, бритву, которая все еще лежала на стойке умывальника. Затем каминная кочерга – чертовски хороша в качестве дубинки. В крайнем случае можно воспользоваться галстуком как удавкой. Он научился этому одним жарким вечером в Риме.

Но сегодня можно особо не ломать голову. В верхнем ящике умывального шкафчика его ожидал заряженный пистолет. Пусть не так романтично, зато эффективно.

Скребущийся звук сменился царапаньем. Потом скрипом. Незваный визитер приоткрыл окно.

Пирс сохранял спокойствие, заставив кровь в жилах оставаться такой же холодной, как речной поток в феврале. Быстрым движением выдвинув ящик и откинув в сторону стопку сложенных носовых платков, он вытащил небольшой бронзовый пистолет.

Потом подождал еще. Если он обернется слишком быстро, то испугает нападавшего. Тот сбежит и позже предпримет еще одну попытку напасть.

«Терпение! Не сейчас».

Волна холодного воздуха прошлась по волосам у него на затылке.

«Сейчас!»

Пирс резко развернулся, одновременно поднял пистолет и направил на непрошеного гостя.

В открытом окне замахали рукой.

– Не пугайтесь. Это всего лишь я.

– Шарлотта?

Гренвилл тут же опустил пистолет.

Через подоконник свесилась стройная нога в чулке, а потом и вся мисс Хайвуд. В пышном муслиновом платье зеленого цвета, в заляпанных грязью полусапожках и с растрепанными золотистыми волосами она с тихим стуком шлепнулась на пол.

– Какого черта вы здесь делаете? – Он подал ей руку, помогая подняться. – Откуда вас принесло?

– Простите за вторжение. – Она отметила про себя расстегнутый ворот его не заправленной в брюки сорочки.

При виде задыхавшейся, с румянцем на щеках и смеющейся Шарлотты его заледенелая кровь моментально превратилась в кипящую лаву. Пирс испытал немыслимое облегчение. Одновременно им овладел гнев. И, как ни странно, радость. В общем, множество эмоций, кроме холодности и бесстрастия.

– Вы должны находиться в своей комнате.

– Рада бы, да не могу. – Она опустила взгляд. – О, ведь это пистолет Финча?

Шарлотта дотронулась до пистолета, который все еще был у него в правой руке. Пирс отдал ей оружие. Она, удерживая пистолет в двух руках, направила его в открытое окно и, зажмурив один глаз, выбрала цель.

У нее чертовски хорошая стойка, вынужден был признать он.

– Как вы узнали, что это пистолет Финча?

Опустив оружие, Шарлотта принялась осматривать его.

– Дочь сэра Льюиса Финча – моя ближайшая подруга. Я несколько лет провела в Спиндл-Коув.

Спиндл-Коув…

Гренвилл вспомнил доклад Ридли об этом месте.

«По понедельникам прогулки на природе. По вторникам – морские купания. По средам они работают в саду, а по четвергам…»

– Вы стреляли по четвергам.

– Значит, вы слышали об этом. – Она улыбнулась. – Я была в оружейной комнате сэра Льюиса, но никогда не видела такой отличный экземпляр. Он довольно легкий и аккуратный, так ведь?

– Специальный выпуск, – сообщил Пирс. – Таких всего несколько штук.

– Поразительная вещь. – Она вернула пистолет хозяину. – Как вам удалось заполучить его?

– Мне кажется, сейчас задавать вопросы должен я. – Сунув оружие в ящик, он обернулся к ней. – Объясните, что вы вытворяете и почему влезли в мое окно.

– Хорошо. Дело вот в чем. Видите ли, сегодня мистер Фэрчайлд… Это викарий, если вы помните.

– Я помню.

– Он приехал с визитом к леди Паркхерст. Насчет праздничной программы в приходе. Подобрать музыку или что-то в этом роде. Их беседа, по моим расчетам, должна была затянуться на несколько часов, поэтому я решила, что это мой шанс.

– Какой шанс?

– Нанести визит мисс Кэролайн Фэрчайлд. Она занесена в мой список подозреваемых. Помните, я вчера утром рассказывала?

Пирс потер висок.

– Да, помню.

– Так вот: у меня пять подозреваемых. Тех, чьи имена начинаются на «эс». Надо было начать с кого-то. Если у мисс Фэрчайлд тайный роман и она узнала, что отец будет отсутствовать несколько часов, для нее это стало прекрасной возможностью назначить свидание. Я не права?

Гренвилл не знал, каким образом можно оспорить такую логику. Надо признаться, весьма раздражающую логику!

– Поэтому я сказалась больной, сослалась на мигрень и отправилась к себе в комнату. Затем приказала горничной меня не беспокоить, заперла дверь и сбежала через окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Михайлов день – отмечается католической церковью 29 сентября. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Начальная буква имени героини на англ. яз. (Charlotte). Далее все упоминаемые имена дам, которых героиня подозревает в адюльтере, тоже начинаются на эту букву вне зависимости от того, как пишутся по-русски.

3

Бёрнс Роберт (1759–1796) – шотландский поэт.

Купить: https://tellnovel.com/tessa-der/svyazannye-sud-boy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити